

Мир до начала времен

Автор:

Александр Михайловский

Мир до начала времен

Александр Борисович Михайловский

Юлия Викторовна Маркова

Прогрессоры #6

Продолжается эксперимент по созданию новой цивилизации из компонентов, выдернутых из различных эпох. Народ Великого Духа становится сильнее и сплоченнее, и вместе с тем на его имя все чаще приходят «посылки» из иных времен. В очередной раз жертвой межвременного переброса становится итальянская подводная лодка, базировавшаяся на Бордо – она бесследно исчезла в феврале сорок первого года. Сумеет ли ее команда влиться в племя Огня? Кого еще воля неведомого Посредника забросит в мир до начала времен? Как столь разномастное общество будет развиваться далее – при том, что каждая влившаяся в него группа несет собственные представления о мире? Что объединит всех этих людей и позволит эффективно взаимодействовать как в созидательном труде, так и в способности отражать угрозы?

Александр Михайловский, Юлия Маркова

Мир до начала времен

Часть 21. Пришествие незваных

1 октября 2-го года Миссии. Понедельник. Позднее утро. Большой Дом, медкабинет.

Сергей Александрович Блохин, военврач 3-го ранга, русский, беспартийный, пока холостой.

Уже две недели мы живем в каменном веке, постепенно отходя от арийского «гостеприимства» и привыкая к местной обстановке. А она тут не так проста, как показалось мне на первый взгляд. Местное общество, где-то около тысячи человек, представляет собой смесь из людей разных народов и разных времен. Все они, за исключением основателей этого поселения и аборигенов, попали сюда не по своей воле. Кто-то бежал сломя голову, спасаясь от смертельной опасности, а кого-то просто поймали, будто сачком, и сбросили в этот человеческий виварий. Так, нежданно-негаданно, сюда попал автобус с французскими школьниками из начала двадцать первого века и целых три когорты римских легионеров из времен Цезаря.

Таким путем сюда попадают не только люди: как оказалось, неподалеку в лесу, на берегу океана, лежат обломки американского парохода времен прошлой Мировой войны, битком набитого самым разным оружием. Береговая линия в эти времена на сто километров дальше современной, поэтому торговое судно, торпедированное германской подводной лодкой, после попадания в межмировую воронку выпало на сушу, где его смогли найти помощники Сергея Петровича. Оттуда в племени Огня винтовки, дробовики, пулеметы с патронами, а также большое количество всякого снаряжения, включая американскую военную форму.

Как следует вооружившись благодаря этому пароходу, местные отцы-основатели смогли отбить нападение большого отряда тех самых римских легионеров, подтверждая тезис товарища Ленина, гласящий, что только то государство чего-нибудь стоит, которое может себя защитить. Впрочем, это было несложно. Когда у одной стороны имеются станковые и ручные пулеметы при достаточном количестве патронов и мотивированные бойцы, которые защищают свою Родину, а у другой – глади, пилумы и желание грабить, то победа всегда будет за первыми. После разгрома уцелевшие легионеры попали в плен, и теперь из них пытаются сделать новых сограждан и полезных членов общества. Их «плен» не имеет ничего общего с тем пленом у немцев, в котором побывали я и мои товарищи. Детский сад какой-то, честное слово, а не плен. Казарма тут у них, как они сами говорят, даже лучше той, что была в Риме.

Кормят бывших легионеров из общего котла, а работы, на которые их выводят, по большей части предназначены для их собственного благоустройства.

Большинство из этих парней – представители древнеримской бедноты – те самые пролетарии, которых еще совсем недавно, до реформ Мария, и вовсе не брали в армию, и только необходимость вести грабительские захватнические войны побудила римские власти дать оружие в руки бедноте. Вроде бы эти парни – такие же, как мы, и их немудреные солдатские шутки, переведенные с латыни, будут, пожалуй, актуальны и в наше время, а старший центурион Гай Юний – нормальный командир, не отделяющий себя от своих бойцов.

Но при этом меня шокирует немотивированная жестокость римлян к безобидному мирному населению. Без всякой жалости убить два десятка не представлявших никакой опасности стариков, женщин и детей – в наше время на такое были способны только фашисты. Марина Витальевна говорит, что это у них от отсутствия христианской морали: «не убий», «не укради», «прояви милосердие к ближнему» и так далее... Но мы-то знаем, что христиане проделывали не меньшие, а даже большие жестокости: одна Варфоломеевская ночь чего стоит. И немецкие фашисты, на пряжках ремней у которых написано «С нами Бог», тоже считают себя христианами.

Но, видимо, христиане христианам рознь. Например, поп отец Бонифаций при ближайшем рассмотрении для меня стал гораздо более приемлем. Ничего неправильного он не говорит, мракобесных буржуазно-феодалных отношений не проповедует и всячески одобряет практически социалистический уклад здешнего общества, устроенный вождями-основателями. Так что в нашем понимании не поп он, а кто-то вроде комиссара, занимающийся идеологической работой и моральным состоянием личного состава. А еще он один и безоружный пытался выйти парламентаром к римским легионерам с предложением мира, и те его едва не убили. Как сказал Сергей Петрович – если бы Иисус Христос родился в начале двадцатого века, он непременно стал бы настоящим коммунистом. Сам я не член партии, но прекрасно понимаю, что он имел в виду.

Поменял я свое мнение и о лейтенанте Легране, одном из ближайших помощников товарища Орлова. Оказалось, что это молодой французский дворянин, бежавший сюда от Великой Французской Революции. Но, несмотря на свое происхождение, это вполне полезный член местного общества. И вообще, бесполезных тут нет. Посмотришь – и видишь, что каждый, вплоть до самых главных, занят каким-то важным и нужным делом, а человеческие плевелы –

бездельников и маргиналов – местное племя Огня делает попытку перевоспитать, а если это не получилось с первого раза, с чрезвычайной легкостью подвергает высшей мере социальной защиты.

Так, Голубенко со всеми своими придурями продержался в местном обществе только три дня. В качестве искупления за предыдущие заскоки его назначили на тяжелые физические работы на стройке, вместе с пленным немцем и послушниками товарища Бонифация, но он там со всеми перессорился и отказался работать на «проклятых эксплуататоров». На немцев под дулом винтовки он работал, а тут, когда над ним не стоял вооруженный надсмотрщик – не стал. Суд вождей был столь же скор, сколь и суров. Второго шанса исправиться тут не дают, поэтому пошел воспитуемый Голубенко по первой категории. Отрубили голову и бросили труп в реку. И даже Марина Витальевна, которая обычно не одобряет жестокостей, была при этом непреклонна. Мол, один раз стоит проявить слабину по отношению к соотечественнику – и вся социальная конструкция местного сложносоставного общества рассыплется в прах, после чего царящий вокруг Каменный век возьмет свое.

А ведь бывшие римские легионеры – это только самая заметная часть здешнего народа. Помимо них, тут присутствуют еще корнуолльские кельты из пятого века, современники римлян (какие-то аквитаны), французские юноши и девушки из две тысячи десятого года, которых уже язык не поворачивается называть школьниками, мы с товарищем Седовым, Виктор Легран, Жорж Броссар, Паскаль Камбер и Джонни Гудвин сами по себе. Помимо пришельцев из иных времен, в племени Огня имеется и множество аборигенок, которые делятся на темных и светлых, а светлые – еще и на «ланей» и «волчиц». Настоящий интернациональный колхоз, в котором, как говорит Сергей Петрович, каждый должен быть уверен в справедливости и неизбежности как вознаграждения за добрые дела, так и наказания за злые. Вера ведь бывает не только в Бога или марксистско-ленинские идеалы, но и в то, что общество, в котором ты живешь, устроено самым справедливым образом. Отсутствие общественной справедливости обрушило прежнюю Российскую империю, а до нее – и многие другие государства. Когда люди перестают верить, что их властители действуют ко всеобщему благу, все сразу распадается в прах.

При этом Сергей Петрович и Андрей Викторович (настоящие вожди, не то что некоторые) уверены, что новые люди из других времен тут будут появляться и дальше. Иногда это могут быть дружественные визитеры, которых можно сразу включать в свое общество, иногда – лютые враги (вроде гнавшихся за нами

немцев), а иногда – серединка на половинку: люди, которых можно взять в плен для последующего перевоспитания в своих будущих сограждан. В качестве рабочей гипотезы тут принято считать, что таким образом над местным человечеством ставит эксперименты главный начальник товарища Бонифация, добиваясь интенсивности развития местного общества. Ведь если оставить его в покое, оно не будет стремиться к быстрому развитию, ограничившись только самыми насущными нуждами своих членов. Человек по сути своей слаб и ленив, и при отсутствии внешней угрозы всегда норовит скатиться в перерожденчество и мелкобуржуазную трясику.

Поэтому в любой момент в ближайших окрестностях местного поселения снова может появиться очередной враг, после чего прогремят выстрелы и прольется кровь. Исходя из этой установки, в полной боевой готовности находится не только местная маленькая армия, но и медицинская служба, которой в случае необходимости предстоит биться за жизни тех, кто будет только ранен, не разделяя людей на своих и чужих. В этом нам будут помогать американские медикаменты с того парохода. Пусть они сильно устарели даже к нашему времени, но все же это лучше, чем народные средства, а хирургические наборы, стерилизаторы, белые халаты, марлевые повязки и запасы спирта в нынешней ситуации – это вообще спасение в том случае, если придется делать операции. А ведь если случится, как говорит Андрей Викторович, недружественное вторжение, то раненые, которых потребуются оперировать, непременно будут.

Но мне становится как-то не по себе при мысли, что у меня на операционном столе с пулевым или колото-резаным ранением могут оказаться темные девушки-полуафриканки – как они сами называют себя, Дочери Тюленя) или светленькие девицы из бывшего клана Волка. Бывает, помотришь на такую красотку, стреляющую в тебя глазками – и радуешься, что мама родила тебя мальчиком. Все они милы, юны (до прихода Основателей до пожилых лет тут никто не доживал) и отчаянно хотят выйти замуж и родить детишек. А мужчин тут и в самом деле недостаток: конкурс в семью как у нас в хороший институт, по несколько человек на место.

Еще одним свойством местных девиц является привычка мериться статусами: как своими собственными, достигнутыми личными заслугами, так и статусами потенциального жениха или мужа. Так что я получаюсь завидным женихом, потому что как врач после завершения испытательного срока непременно попадаю в число младших вождей. Так что молоденькие аборигенки уже проявляют к моей персоне повышенный интерес.

Но у любого вождя – неважно, младшего или старшего – непременно должна быть так называемая «старшая жена». Старшая не по возрасту, а по происхождению из верхних временных слоев двадцатого или двадцать первого века. Большинство старших жен – это девчонки семнадцати-восемнадцати лет от роду, но именно они отвечают за то, чтобы входящие в семью аборигенки росли в своем культурном уровне, перенимая наши привычки и понятия, а не наоборот. Правда, сначала такое положение в племени Огня сложилось само собой, и только потом под него подвели идеологическое обоснование. Мне все это кажется немного диким (как и сам обычай многоженства), но я понимаю, что эти правила возникли не из пустой прихоти – чай, не Голубенко какой-нибудь (который, узнав о них, поднял крик еще и по этому поводу). Поэтому, если я здесь навсегда (а по всему выходит, что так), то мне придется следовать всем местным обычаям. Да и я не против, только мне хотелось бы, чтобы это произошло по любви, а не из одного обязательства создать семью и размножиться.

Кстати, сегодня у нас не совсем обычный день. Первое октября, по местному календарю, это день осеннего равноденствия, сельскохозяйственный праздник урожая, когда плоды полей и огородов уже убраны на зимнее хранение и народ отдыхает от трудов и радуется жизни. Именно сегодня мне, сержанту Седову, Джонни Гудвину и Александру Шмидту объявят об окончании испытательного срока – а это значит, что претенденткам на руку и сердце разрешат подкатывать к нам с предложениями. Ну а после торжественной части с ритуалом проводов Солнца на заслуженный зимний отдых начнется праздник души и танцы до упаду. Говорят, что, по местному обычаю, какая-нибудь парочка прямо на празднике заявит, что по обоюдному согласию желает вступить в брак – и их тут же «распишут» (то есть повяжут им руки брачным шнуром). При этом зачастую бывает, что руки и сердца потенциального жениха добивается дамский элемент, причем заранее сговорившейся компанией: одна претендентка в старшие жены и две-три – в рядовые[1 - Таким тройственным комплотом за Валеру замуж выходили Ольга Слепцова и «волчицы» Айнур и Зыля.].

Но праздник осеннего равноденствия закончится, и уже завтра начнется подготовка к ходу лосося. Говорят, это будет еще одна страда, когда каждый должен трудиться до изнеможения. Ведь ловят тут лосося не ради дорогой красной икры, а чтобы обеспечить народ большим количеством соленой и вяленой рыбы. Пока тут как следует не развито сельское хозяйство и животноводство, красная рыба считается одним из основных источников пропитания. И запасают местные вожди продовольствие с избытком – ведь неизвестно, когда и в каком количестве к нам придет очередное людское

пополнение...

Под окнами раздался торопливый топот копыт. Потом там забегали, закричали и кто-то начал часто-часто бить в колокол, созывая к Большому Дому все население, и в первую очередь вождей.

«Ну вот, накаркал... – подумал я, насторожившись. – Скорее всего, пожар на промзоне или кирпичном заводе, а может быть, и враждебное вторжение. Из-за появления дружественных незнакомцев никто так волноваться бы не стал. В любом случае, это наверняка означает, что скоро у меня будет очень много работы».

Тогда же, и почти там же, река Гаронна ниже по течению поселения племени Огня, итальянская подводная лодка «Лоренцо Марчелло».

Командир подводной лодки капитано ди корвета Карло Альберто Тепати.

Дьявол и тысяча чертей! Второй рейд на атлантические коммуникации англичан закончился для нас, едва начавшись. В поход из Бордо[2 - Во французском Бордо во время Второй мировой войны была создана основная база подводных лодок Королевских ВМС Италии на Атлантическом побережье Европы (Немцы действовали с базы в Лорьяне неподалеку от Бреста). С этой базы итальянские подводные лодки приняли участие в битве за Атлантику с 1940 по 1943 на стороне стран Оси, развернув кампанию по противостоянию торговому судоходству союзников.] мы вышли шестого февраля (1941 года), сразу направившись в позиционный район, назначенный нам к северо-западу от северной оконечности Ирландии, на трассе, по которой из Америки и Канады ходят конвои в Ливерпуль. Там мы бесцельно, не встретив ни одного вражеского транспорта, болтались до вечера двадцать первого февраля, когда нашу субмарину на малой высоте атаковал одиночный британский четырехмоторный гидросамолет «Шорт Сандерленд» из противолодочного патруля. Из-за низкой облачности и плохой погоды наши наблюдатели заметили опасность только в тот момент, когда приблизившийся на чрезвычайно короткое расстояние «лимонник» открыл по нашей субмарине огонь из носовых пулеметов винтовочного калибра. Серьезных повреждений нашему корпусу таким образом он нанести не мог. Один матрос был убит, один ранен, а еще шальная пуля срезала крепление наружной антенны на рубке – это на какое-то время оставило

нас без связи.

Не желая геройствовать (ибо сбить четырехмоторный гидросамолет из наших зенитных пулеметов непросто), я скомандовал срочное погружение. Но британский воздушный охотник за субмаринами, как оказалось, был оснащен не только пулеметами. При повторной атаке по уходящей на глубину субмарине он сбросил несколько легких авиационных глубинных бомб, и одна из них взорвалась прямо у нас за кормой с левой стороны. Субмарину здорово тряхануло, со звоном посыпались стекла лопнувших лампочек, а наш главный механик лейтенант Гвидо Белло доложил из электромоторного отсека, что вал левого винта начало бить, и при этом из-под сальника струится вода. Скорее всего, взрыв оторвал или погнул лопасть винта, в результате чего вал с каждым оборотом стал разбивать свое крепление. В ответ я приказал ему прекратить погружение, отключить левый мотор, правый перевести на самый тихий ход, и вообще прикинуться, будто нас там нет.

Впрочем, сгущающиеся сумерки и волнение моря, размывающее силуэт субмарины в глубине, и без того заставили британского охотника потерять наш след. Он еще сбросил несколько глубинных бомб, но все они разорвались достаточно далеко от нашей субмарины, несмотря на то, что мы находились на относительно небольшой глубине. Покружив в сгущающейся тьме еще немного над местом нашего исчезновения, британский гидросамолет должен был направиться к себе на аэродром, а мы уже в полной темноте всплыли в позиционное положение (когда над водой торчит только рубка) и не обнаружили вокруг никого. Мы остались живы – и это являло большой, но единственный плюс. Минусы были помельче, но их было много: вышедшая из строя рация, поврежденный левый винт, из-за чего наша субмарина могла хромать только под одним дизелем, а также то, что из-за поврежденного сальника нам не рекомендовалось погружаться глубже перископной глубины, а иначе может наступить полный и окончательный финал.

Оснований прервать охоту и попытаться досрочно вернуться в базу было более чем достаточно – поэтому я, ко всеобщему облегчению, такой приказ и отдал. Исправив повреждения, мы сможем вернуться на британские коммуникации, и тогда жалкие лимонники узнают, что такое ярость потомков римлян. Впрочем, в тот момент нам было лучше не попадаться на глаза никому. Хромые, под одним дизелем, без возможности погрузиться на серьезную глубину мы стали бы легкой добычей для любого эсминца или даже сторожевика. Забросать глубинными бомбами и либо потопить, либо заставить всплыть уже подбитую

субмарину сможет любой дурак. Да и на поверхности преимущество в огневой мощи и маневренности тоже будет отнюдь не за нами. Любой эсминец или даже сторожевик даст нашей подраненной субмарине сто очков вперед. Но Всемогущий Господь нас помиловал, и мы смогли вполне благополучно дойти до эстуария[3 - Эстуа?рий (от лат. aestuarium «затопляемое устье реки») - однорукавное воронкообразное устье реки, расширяющееся в сторону моря.Образование эстуария происходит, если приносимые рекой наносы удаляются морскими течениями или приливом, и прилегающая к устью часть моря имеет значительные глубины. В таких условиях наносы не отлагаются даже при большом их выносе на устьевом участке. Один из крупнейших эстуариев в Европе - Жиронда - имеет длину 72 км.] Жиронды.

А там возникла проблема. У самого устья эстуария расположены немецкие артиллерийские батареи и пост СНИС (Службы Наблюдения и Связи), и запрашивать позывные он у нас будет по радио, а если не ответим, то сразу огонь на поражение. Но подошли мы к устью Жиронды уже глубокой ночью, а кроме того, над рекой стелился туман. Я приказал погрузиться в позиционное положение и, ориентируясь на огни впереди идущего испанского парохода (видимо, правильно ответившего на все запросы) вместе с начинающимся приливом пройти опасное место на электромоторах. Аккумуляторы у нас были заряжены, так что их вполне хватило, чтобы удалиться от горла Жиронды на безопасное расстояние. А потом я приказал до конца продуть балластные цистерны, поднять над рубкой итальянский флаг и идти дальше под дизелями, точнее, под одним оставшимся у нас правым дизелем. Транспорт за это время ушел далеко вперед, но мы более не нуждались в поводе, ибо, несмотря на небольшой туман, в свете занимавшегося утра рулевой вполне отчетливо мог видеть буй, ограждающие фарватер.

Ну а потом случилось нечто... Раздался громкий всплеск, будто где-то поблизости из гигантской ванны через край выливали воду, субмарина получила значительный дифферент на нос и с увеличивающейся скоростью неудержимо заскользила вперед. Никто ничего не успел сообразить... Судя по дифференту, мы скатывались с водяной горки высотой не менее трех метров, а может, и более. Все, кто в это время не держался за поручни, попадали с ног, по палубе покатались незакрепленные предметы, а в аккумуляторных ямах громко плеснул электролит. Упал, непроизвольно переложив штурвал, и рулевой Сильвестро Ладзари. Все матросы у меня в команде - неуклюжие бездельники. Во время прошлого похода матрос-артиллерист погиб во время обстрела бельгийского транспорта из пушки только потому, что умудрился утонуть, свалившись во время стрельбы за борт со снарядами в руках. Так что попадать в

смешные и неприятные истории нашей команде было не впервой. Но сейчас было не до смеха всем, особенно мне. Пока этот бездельник соизволил встать и снова взяться за управление, субмарина совершила полуциркуляцию и, прежде чем кто-то успел хоть что-то предпринять, выскочила за пределы фарватера и с разгона села носом на речную мель под острым углом к берегу. И тут те, что успели встать, снова оказались сбиты с ног.

Сначала мы пытались сдернуться с мели, используя только электромотор правого вала, но его мощности явно не хватало: нос субмарины сидел на грунте плотно и не собирался с него сходить. Я приказал лейтенанту Гвидо перестать зря терять время и разряжать аккумуляторы, и, чтобы сдернуть нас с мели (несмотря на то, что это не такое простое дело), запустить в режиме реверса правый дизель, мощность которого в три раза больше, чем у электромотора. На это понадобилось некоторое время[4 - Как правило, механизм реверсирования мощных судовых дизелей с прямым приводом на гребной винт выполняется вместе с пусковым механизмом и называется реверсивно-пусковым устройством. Сущность реверсирования у всех дизелей сводится к изменению порядка работы распределительных органов дизеля: системы воздухораспределения при пуске двигателя, топливоподдачи и газораспределения во время работы. На двигателях старой конструкции все операции по реверсированию осуществлялись вручную, и поэтому требовали некоторого времени.], и эффект от второй попытки был точно таким же, как и от первой – то есть никаким. В таких условиях снять нас с мели мог только мощный буксир или даже земснаряд, подмыв отмель, на которую вылез нос нашей субмарины. А это значило, что необходимо послать кого-то в Бордо за помощью. С этой целью я приказал надувать от воздушных баллонов имеющуюся на борту резиновую лодку. Гонцом за помощью к начальству нашей военно-морской базы в Бордо вызвался первый вахтенный офицер нашей субмарины старший лейтенант Раймондо Дамиано. С собою он взял двух матросов. Задача казалась простой, ведь мы сели на мель на реке, протекающей через цивилизованную Францию – страну с миролюбивым и покладистым населением, притом, что до нашей базы оставалось не более тридцати пяти километров. О, если бы мы знали тогда, насколько ошибались!

Тогда же. Окрестности Большого Дома.

Андрей Викторович Орлов – главный охотник и военный вождь племени Огня.

На этот раз неприятности выплыли на нас по реке безо всякого там предупреждения. Патрон отца Бонифация обошел запрет на переброску к нам морских судов, подкинув сюрприз почти к самому порогу Большого Дома – там, где перепад между уровнем воды в двадцатом веке и сейчас составлял уже не катастрофические восемьдесят метров, а совсем незначительную величину. Так что подводная лодка неизвестной на тот момент национальной принадлежности всплыла к нам, возвестив о себе только громким плеском. Свидетелем тому был Антон-младший, вышедший в этот ранний час на рыболовный промысел со своей бригадой. Он и его девицы видели и слышали все. Точнее, они видели, насколько позволял стелящийся над рекой плотный туман, как посреди реки с громким плеском появилась увенчанная горбом рубки длинная тень и выскочила на прибрежную отмель. Там, где «Отважный» с максимальной осадкой метр двадцать имел семь футов под килем, чужаку было мелко, как крокодилу в ванной.

Поняв, что дело пахнет недружественным вторжением (не зря же неоднократно мы проводили инструктажи по этой теме), Антоша приказал своей девчачьей команде поскорее смотать удочки (снасти в нашем положении на вес золота) и под прикрытием тумана отступить к Промзоне. При этом лань Лата, самая юная и легкая среди будущих жен нашего главного рыболова, взгромоздилась верхом на спину флегматичной кобылы Масы и ударами пяток по бокам заставила скакать ее к Большому Дому. Это именно она колотила в колокол и подняла у нас такой переполох, что даже дед Антон примчался по тревоге, сжимая свой карамультук. Конечно, эта девочка, рожденная в каменном веке, не поняла почти ничего из того, что видела, но память у нее, как и у всех местных, была идеальная. Сказанное Антошей она слово в слово повторила мне и Петровичу. За этим ее и посылали.

И тут стало не до шуток, ибо подводная лодка периода Второй, да и Первой Мировой войны (современные нам в Гаронну войти не в состоянии) – это такой козырь, который даже и не знаешь, чем и бить. Артиллерии у нас нет (ну не сподобились америкосы загрузить на тот пароход хоть какую-нибудь завалящую пушку с боекомплектom), авиации тоже нема. Не забрасывать же эту подводную лодку гранатами с самых обычных лодок, как это делали царь Петр Алексеевич и его верный сподвижник Алексашка Меньшиков, когда брали на abordаж пресловутые шведские фрегаты? Помнится, по этому поводу даже существовала специальная медаль с надписью «Небывалое бывает»...

И чем больше я об этом думал, тем лучше понимал, что единственный способ одолеть супостата – это подкрасться к этой подводной лодке под прикрытием тумана и, захватив палубу, обезопасить себя хотя бы от ее орудий. А то даже страшно подумать, чего и сколько сумеют разрушить эти козлы в самый канун зимы из своих пушек, пока не угомонятся.

Я выслушивал сообщение Латы, а в это время остальные члены племени Огня надевали свою военную форму, затягивали ремни амуниции и стремительно вооружались, ибо просто так тревожный колокол (снятый с того самого парохода) звонить не будет. А разведчики еще и наносили на лица камуфляжный грим. По счастью, в связи с предстоящим праздником все рабочие команды прибыли в Большой Дом, поэтому у меня был выбор, кого послать командовать передовой группой. Наилучшей кандидатурой на это дело я посчитал Сергея-младшего. Ни Виктор де Легран, ни тем более Гуг, для этого не годились. Они просто не поймут того, что увидят, и, несмотря на то, что их девки гораздо лучше подготовлены, в авангарде этим двоим не место – пойдут в бой в качестве моих адъютантов. Сергей – уже в полной экипировке, с нанесенным на лицо боевым гримом, гордый, будто выиграл миллион в лотерею – взял из моих рук портативную рацию, собрал свой бабский отряд и волчьим скоком, с ручником наперевес, унесся исполнять приказ. Еще дееспособные рации – это дополнительный плюс нашей боевой подготовки. Задачу я Сергею поставил простую. Вступить в визуальный контакт с целью наблюдать, докладывать и в случае необходимости по моему приказу при помощи ружейно-пулеметного огня очистить палубу субмарины от разных праздношатающихся личностей. Потери противника при этом в расчет не принимать.

Едва передовой отряд убыл из расположения, как по просеке со стороны Нового Поселка (это там, где Кельтская и Французская улицы) людно и оружно примчалось наше французское пополнение во главе с Роланом Базеном (день сегодня праздничный, нерабочий – вот и находился народ по домам, а не на рабочих местах). Вот он-то мне и был нужен, ведь кто еще мог знать, что это за подводная лодка могла проплывать по Гаронне в первой половине двадцатого века.

– Французский морской база, месье Андре, в Бордо не быть никогда, – с некоторым сомнением сказал тот. – Очень неудобный положений для военный флот. Тут быть частный судостроительный завод, который строить все понемногу, но я не помню, чтобы это быть субмарина. Государственный военный арсенал в Бордо не быть никогда. Только один случай. Во время война, когда

Франция быть оккупирована, в Бордо стоять итальянский субмарина, который разбойничать Атлантика. Только он, и никак иначе, потому что немцы имеют базу Лорьян и сюда не ходит. Как я уже говорить – неудобный место.

– Так и есть, Андрей Викторович, – подтвердил слышавший наш разговор Александр Шмидт, который сейчас был за адъютанта при Гуге, – господин Базен на сто процентов прав: подводная лодка в этих местах может быть только итальянской. Других вариантов нет. Главные морские базы Франции на Атлантическом побережье: Шербур, Брест и Лорьян, на Средиземном море – Тулон.

Ну вот и поговорили с местными краеведами... Итальянцы – это, конечно, полегче, чем немцы, но ненамного. Немцы хоть умные, а от этих не знаешь чего и ждать. Примем эту вводную как рабочую гипотезу. С другой стороны, если командир этой подлодки уверен, что находится на оккупированной территории, где местные считают геройством показать врагу фигу в кармане, то, скорее всего, он не станет сразу приказывать стрелять из пушки направо и налево во все, что видит. И опять же встает вопрос быстрого и решительного натиска, чтобы макаронники на своей субмарине не успели опомниться, а когда солнышко поднимется повыше и разгонит туман, даже самому тугому эстонцу станет понятно, что вокруг отнюдь не двадцатый век. И вот тогда точно жди неприятностей...

Только я собрался выйти на связь с Сергеем, как получил встречный вызов.

– Андрей Викторович! – слышу я из динамика Серегин крик. – У нас пленные, три штуки, взяли тепленькими на тропе... Ротозеи, хряп их за ногу! Лопочут чего-то не по-нашему, но точно не по-французски...

Как следовало из сбивчивого рассказа, на пути к устью Ближней, поблизости от которого к нам на отмель и выкинуло подводную лодку, на тропе группа Серегимладшего лоб в лоб столкнулась с престранной троицей. Офицер и два матроса беспечно топали навстречу и глазели по сторонам, будто находились на прогулке в своей Италии, разве что цветочки по пути не нюхали, по причине отсутствия таковых в разгар осени. И тут навстречу им бесшумно (поскольку в мокалинах), колонной по два, выбегают Серега и его девки в камуфляже и с раскрашенными лицами. И оружие у них наизготовку, а не беспечно заброшено за спину. И тут Серега, следуя заповеди «удивить – значит победить», как заорет своим баском: «Хальт! Хенде хох! Шнель! Шнель!»[5 - Стой! Руки вверх!

Быстрее! Быстрее! (нем.)). Как я понимаю, от такой неожиданности[6 - Итальянские посланцы на берег просто находились в определенном когнитивном диссонансе. По их счислению на календаре было 25-26 февраля, конец зимы. И хоть температурные режимы почти соответствуют, не до конца облетевшая желтая листва на деревьях и кустах приводила бедных макаронников в состояние глубокого недоумения.] итальянцы сразу потеряли дар речи и способность к сопротивлению. А их еще дополнительно бьют по ногам, роняют на землю и вяжут руки в локтях за спиной их же собственными брючными ремнями. И на все это понадобилось времени меньше, чем на то, чтобы Серега смог рассказать мне эту историю. Ай да сукин сын! Ай да молодец!

Но времени терять нельзя, поэтому команду Сереге оставить пленных итальянцев лежать в связанном виде прямо на земле (продвигаясь следом, мы их подберем), а его команде двигаться к береговой линии и, пока никто ни о чем не догадался, ружейно-пулеметным огнем обеспечить зачистку палубы подводной лодки от матросов противника. И чтобы все в темпе вальса, на раз-два-три. А у нас все уже собрались, а посему мы выступаем... Сергей Петрович и Антон Игоревич в резерве, а нам пора. Делаю знак Гугу и Виктору де Леграну, чтобы вместе со своими бойцыцами следовали за мной – и мы побежали. До того места где команда Антоши ловит с мостков рыбу, волчьим скоком примерно четверть часа. Одиночный выстрел из винтовки и последовавшую за ним первую короткую и злую пулеметную очередь из «люськи» мы услышали, уже подбегая к Промзоне. Началось!!

Тогда же, поблизости от поселения племени Огня, берег Гаронны выше по течению от устья реки Ближней, мостки для ловли рыбы.

Младший вождь и помощник (лейтенант) главного охотника и военного вождя Сергей-младший, он же Сергей Васильевич Петров (18 лет).

Правильно тогда сказал Петрович, что ничье мое никуда от меня не уйдет. На войне с римским легионом меня не было, но на этот раз, когда враг оказался гораздо более развитым (и тем опасным), Андрей Викторович выдвинул меня в первые ряды. Подумать только: на этот раз нам в прикупе сбросили целую подводную лодку, и поскольку при любых раскладах ее команда не может быть нам дружественной, он приказал помножить пришельцев на ноль, не дожидаясь перитонита.

По дороге к устью Ближней мы встретили благополучно отступающего Антошку с его девицами и перебросились с ним парой слов. Он вообще молодец – не растерялся и, как говорит Андрей Викторович, обеспечил эвакуацию вверенного ему безоружного подразделения вместе со всем ценным и бесценным имуществом. Ничего особо нового о подлодке наш юный мастер-рыболов не рассказал, просто добавил, что торчит она метрах в ста от берега, и сквозь туман люди на ее борту видятся расплывчатыми силуэтами. Ну мне их в лицо разглядывать и не требуется: вниз по течению, до самого Бискайского залива, их трупы могут уплыть и без личного опознания.

Впрочем, на самом деле я не такой кровожадный, просто храбрюсь, поэтому, когда мы на узкой тропе лоб в лоб столкнулись с тремя «интуристами», одетыми в стиле «марине милитари» сороковых годов, стрелять в них из «Люськи», хоть палец уже лежал на спуске, я не стал. Двое, с закинутыми за плечо винтовками, были одеты в бесформенные черные балахоны и такие же береты; третий же выглядел поимпозантней: без винтовки, но с пистолетом на поясе, в кожаной куртке и в фуражке с якорем, околыш которой украшали три полосы желтого галуна. Типичный офицер. На немцев, скажем, эти типы походили мало: все смуглые, чернявые, кучерявые, а на их форме отсутствовал характерный орел со свастикой – но я все равно выкрикнул все, что помнил из фильмов про войну.

Реакция была как у хорошей собаки Павлова: бледный вид и задранные вверх лапки. Офицер попробовал было вякнуть что-то вроде: «Нихт шисен, камераден! Вир зинд италинише зеглер!» (слова, понятные даже без перевода), но мои brave девки-волчицы уже уронили всех троих на землю, разоружили, дали прикладами по шеям, чтобы не возражали, скрутили руки и связали за спиной их же собственными брючными ремнями. И наплевать, что итальянцы. Никогда не страдал особой любовью к макаронам, и тем более к их пожирателям. А в довершение матросам засунули в рот их же береты, а офицеру – скрученную в жгут фуражку. И все это меньше чем за полминуты, без малейшей заминки или растерянности. А ведь им, в отличие от других, еще ни разу не приходилось бывать в настоящем деле. Войну с римским легионом, как я уже говорил, мы пропустили, и тот случай, когда сюда приперлись немецкие охотники за беглыми военнопленными – тоже. Так что красавы мои Волчицы – рукопожатие им перед строем и личная благодарность в приказе!

Сергей Петрович говорил, что такая резкость у Волчиц – оттого, что в местных условиях слабые и изнеженные не выживают. Мол, как только мы взяли их в свое племя, начали хорошо кормить и относиться по-человечески, все их таланты

разом расцвели. Все это хорошо, но Лани до нашего прихода жили той же жизнью, что и Волчицы, но ведут они себя совсем по-другому. Там, где Волчицы (неважно, урожденные или взятые в клан со стороны) хватаются за оружие, Лани стремятся убежать подальше. У меня своя теория (грамотный, как-никак – в школе учился, и довольно неплохо). Мужики-Волки (я и сам почти такой же, только не зверь), хотели, чтобы дети их клана во всем местном сообществе вырастали самыми-самыми крутыми, а посему отбирали себе в жены в других кланах наиболее бойких и сильных девок, ибо о том, что яблоко падает недалеко от яблони, знают даже в Каменном веке. Мол, гонор бабий мы обломаем – кулаком или там палкой, – зато детки у этих бойких и дерзких родятся – первый класс. И ведь, как я понимаю, вожди отдавали таких девок замуж в клан Волка с легкостью, ибо без них спокойнее. А потом Волки напоролись на нас и оказались помноженными на ноль, а их бабы и дети стали нашей законной добычей. И ведь что интересно: даже Андрей Викторович не сразу понял, какой ценный приз оказался у него в руках. Только к весне наши вожди поняли, что из себя представляют Волчицы, и сказали, что это замечательно – и теперь у нас теперь есть какая-никакая армия, пусть даже с женским личным составом. Огнестрел и хорошо отточенная сталь сабельных штыков[7 - Назвать ножами сорокасантиметровые клинки не поворачивается язык.] компенсируют некоторый недостаток физической силы, а ловкость, дерзость и сообразительность дадут нашим девицам сто очков вперед перед любыми солдатами.

Но это все так, мысли вслух или лирические отступления. На самом деле все это промелькнуло у меня в голове за доли секунды, и как только мы скрутили этих троих, я связался по рации с Андреем Викторовичем и доложил. Мол, так и так, тихого дела не вышло, враг уже на берегу, взял пленных, прошу ваших указаний. А тот мне в ответ – мол, оставь этих троих связанными по рукам и ногам, наши их подберут, а сам бегом на берег и сделай так, чтобы ни одна тварь из низов не могла высунуть нос на палубу, а тот, кто уже высунул, должен быть немедленно и достоверно убит.

Как положено в армии, приказы выполняют, а не обсуждают. Поэтому, помимо связанных рук, я приказал расстегнуть на этих троих штаны и спустить их до сапог. Тот, кто хотя бы однажды брыкался, запутавшись в спущенных штанах – должен меня понять. Пока не подоспеет Андрей Викторович со своей командой и не освободит эту компанию, вернув штаны на место, они все трое будут беспомощнее спеленатых младенцев. Времени на это ушло все секунд десять-пятнадцать – и вот мы снова бежим к берегу.

А туман редет, ибо поднимающееся солнышко греет все сильнее. По крайней мере, трое матросов возле вытасченной на берег рядом с мостками резиновой лодки увидели нас на приличном расстоянии, при этом один из них, определенно старший, скидывая с плеча винтовку, заорал нам что-то на своем языке. Явно не поздоровался. Волчица Лаис, которая бежала рядом со мной, упала на одно колено, вскидывая к плечу «американку». Грохнул выстрел – готовченко, а я перечеркнул короткой очередью из «люськи» остальных, так и не успевших понять, что происходит. На палубе субмарины, что просматривалась совершенно отчетливо (какие там к черту силуэты) засуетились и забегали матросы в уже знакомых балахонах и черных беретах. Пушки на палубе видны отлично – солидные дуры немалого калибра, – и, кроме них, что-то вроде двухствольных крупнокалиберных пулеметов наблюдается в задней части рубки. Если на нас сумеют навести хоть один, то дело будет пахнуть не только керосином.

Но мои девки-волчицы уже развернулись в стрелковую цепь, открыв частую прицельную стрельбу, да и я не остался в стороне, стоя на одном колене и очищая палубу субмарины короткими очередями. Как только «люська» в моих руках замолкла, я положил ее на землю; Бьберг, которая у меня что-то вроде адъютанта и второй номер, подает мне другую, с уже наложенным полным диском. И снова под щелчки винтовочных выстрелов раздалось пулеметное «тра-та-та-та». Как я понимаю, нас спасло то, что у этих итальянских чудиков на подлодке оружие находилось в походном положении – зачехленным и с затычками в стволах, – а иначе не миновать беды. Некоторые, самые умные, как только началась стрельба, нырнули в воду с неподбойного борта, да только водичка сейчас уже холодная и не располагает к купанию; а кое-кто, видимо, и вовсе не умел плавать. Беспомощное барахтанье тонущего человека уж точно ни с чем не перепутаешь.

Другие пытались перехитрить смерть. Вот над бортом рубки появились голова и плечи человека, схватившегося за рукояти зенитного крупняка на ближнем к нам борту. Предыдущий смертник сумел вставить магазины, а тот, что был до него – снять чехол и вытащить затычки из стволов. Но и у очередного героя, несмотря на то, что на голове у него фуражка, а не берет (значит, офицер) тоже не получилось открыть огонь. Почти одновременно гремят несколько выстрелов, плечи и голова того человека исчезают из вида, а пулеметные стволы вновь бессильно задираются в зенит. Наступает тишина. Бьберг подает мне «люську» со свежим диском, но уже никто никуда не идет. Никакого шевеления, только слышно, как кто-то с подвыванием громко стонет, призывая на помощь Иисуса Христа и Деву Марию. Если останется жив, то отец Бонифаций объяснит ему, что такие тут еще не живут.

И в этот момент к нам на выручку подходит кавалерия, то есть основные вооруженные силы нашего племени во главе с Андреем Викторовичем. А с ними сержант Седов со станкачом Браунинга, который тут же начинают устанавливать на треноге. А это еще тот брандспойт – не чета нашим «люськам». Но мы тут уже управились сами, ну то есть почти управились. Палубу-то мы зачистили, но не до конца. Возможно, кто-то прячется на неподбойном борту за рубкой или в самой рубке, догадавшись не высовывать голову. Андрей Викторович окидывает взглядом сложившуюся картину и кивает.

– Молодцы, – говорит он, – хвалю за службу. Да только скажи мне, Серега, зачем ты с итальянцев штаны снимал? А то обижаются они очень, эти любители макарон.

– Ноги связать мне было нечем, – нехотя ответил я. – Вот я и подумал, что со спущенными штанами особо не побегаешь, можно только ползать...

– Умно, Серега, – рассмеялся Андрей Викторович, – умно. А теперь давай со всем этим заканчивать. Ты со своими бойцыцами поддержи субмарину на прицеле, а я возглавлю абордажную партию.

– А может, я с вами? – спросил я. – А на прицеле этих мерзавцев поддержит товарищ Седов? Один его станкач по огневой мощи равен всему моему взводу...

Андрей Викторович посмотрел на меня так, будто я сморозил величайшую глупость, и вздохнул.

– Отругать бы тебя как следует, Серега, – сказал он, – ну да ладно. На первый раз прощаю. Еще раз запомни, лейтенант: приказы не обсуждаются, а выполняются. И если я говорю, что пойду на абордаж только со своей группой, то в этом есть определенный и вполне конкретный смысл. Ты просто не способен к тому высшему пилотажу, который потребуется от меня там, на палубе. Подставишься по-глупому под пулю и оставишь своих жен вдовами, а своего Ромочку – сиротой...

И в этот момент случилось удивительное явление. Над бортом рубки поднялась палка с привязанной к ней белой тряпкой, которая лениво затрепыхалась на ветерке над рекой.

– Ну нифига себе сюрприз! – выругался командир. – Смотри ж ты – сдаются. Теперь предстоит вступить с ними в переговоры о капитуляции, а у нас хоть кто-нибудь знает по-итальянски?

– Андрей Викторович, – вдруг сказал Александр Шмидт, – я могу довольно хорошо говорить по-немецки. Если не все офицеры, то хотя бы командир этой субмарины обязательно должен знать язык своих союзников.

– Попробуй, кадет, – ответил Андрей Викторович, – хуже от этого точно не будет.

Тогда же, и почти там же, итальянская подводная лодка «Лоренцо Марчелло».

Командир подводной лодки капитано ди корвета Карло Альберто Тепати.

Переправив старшего лейтенанта Дамиано на берег, оказавшийся довольно близко, не далее ста метров, мы принялись прояснять свое положение. И первые же сведения заставили нас заподозрить, что тут что-то не так. Старшина второго класса Джакомо Беттини, вернувшийся обратно к нашей субмарине из поездки на берег, доложил, что видел деревья и кусты, с которых еще не до конца облетела осенняя желтая листва, а ведь, если верить календарю, сейчас двадцать пятое февраля – канун весны, а не поздняя осень. Когда мы уходили в поход пятого февраля, то на деревьях давно уже не было ни одного листочка.

Еще он поведал, что люди, рыбачившие в этом месте с мостков, при приближении доблестных итальянских моряков торопливо отступили, собрав все свои вещи, а на месте их пребывания остались следы как вполне обычной для европейцев обуви, так и те, что могли бы принадлежать диким американским индейцам, обутом в мягкие мокасины. И вообще Жиронда – это густозаселенный край, и сейчас, когда настало утро, из прибрежных селений и хуторов до нас должны доноситься крики петухов и гавканье собак, однако же ничего подобного не слышно, будто мы находимся в диком краю, где не ступала нога цивилизованного человека...

Тогда я приказал старшине и его подчиненным снова сесть в лодку и вернуться на берег, чтобы все там осмотреть, не удаляясь, впрочем, далеко от места высадки. Потом ко мне подошел старший механик Гвидо Белло и доложил, что, судя по промерам лотом, наша субмарина плотно сидит на песчано-илистом

грунте почти двумя третями своего корпуса. Без посторонней помощи наше положение безнадежно. Сняться с такой мели возможно только с помощью земснаряда, и не иначе. Не зная, что и ответить на подобное заявление, я с высоты рубки огляделся по сторонам. Туман постепенно редел, так что через его неверную пелену уже просматривался ближайший берег (те самые мостки, о которых говорил старшина) и прибрежные кусты, действительно еще одетые листвой; впрочем, чуть дальше очертания местности терялись в сплошной молочной мгле. Я подумал, что скоро солнце окончательно разгонит эту белесую муть, и тогда мы увидим окрестности собственными глазами и поймем, куда мы на самом деле попали.

И тут все и началось. Неизвестные люди в зелено-черной камуфлированной форме, выбежавшие из туманной пелены, без всякого предупреждения или угрожающих криков, сначала расстреляли на берегу из винтовок и ручного пулемета старшину Беттини и его подчиненных, а потом открыли прицельный огонь на поражение по членам команды нашей субмарины, занимающимся на палубе своими делами. Нападение было яростным и хорошо подготовленным: стреляли эти исчадия ада метко, как настоящие дикие индейцы, и мои люди оказались беспомощны перед этой атакой, тем более что они не ожидали нападения, и большинство из них были в тот момент безоружны. Крики раненых и вопли утопающих мешались с посвистом пуль, противным визгом рикошетов и коротким злым стрекотом, издаваемым ручным пулеметом, что держал в руках один из пришельцев. Да-да, несколько наших матросов, забыв, что они не умеют плавать[8 - Не все итальянские моряки родились и выросли в прибрежных районах своей страны, есть среди них и горцы.], то ли сами бросились за борт под обстрелом, то ли упали туда по неловкости, и теперь отчаянно барахтались в ледяной воде, взывая о помощи.

Несколько раз противно цвикнуло и у меня над головой – я, пригнувшись, опрометью кинулся в люк. Нас, подводников, не учат героически ходить в пехотные атаки цепями, при любой опасности мы должны убираться внутрь субмарины и командовать экстренное погружение, и только ссыпавшись по лестнице в центральный пост, я вспомнил, что мы, собственно, сидим на мели и погрузиться никуда не можем, только провалиться сквозь землю. Стыд и позор: командир струсил, когда его товарищи умирали под обстрелом неизвестного врага...

Поднявшись обратно и выглянув из люка, я успел увидеть, как героически погиб командир артиллерийской части нашей субмарины младший лейтенант Фабио

Маринелли. Он пытался развернуть на врага спаренный крупнокалиберный пулемет Бреда, который ценой жизни трех матросов удалось расчехлить, зарядить и приготовить к бою. Но едва только его голова и плечи показались над обрезами борта, еще до того как он смог прицелиться и открыть стрельбу, в него попало несколько пуль, и несчастный юноша мешком свалился на палубу, пятная ее своей кровью. Особенно жутко выглядела кровавая дыра вместо правого глаза и разбитый вдребезги затылок. Бедный Фабио, нам будет не хватать твоего задорного смеха...

Потом на берегу наступила тишина, там никто больше не стрелял, а на субмарине некоторые раненые стонали, страдая от ран, другие призывали в своих молитвах Иисуса Христа и Пресвятую Деву Марию. Меня же мучил вопрос: что происходит снаружи, куда мы попали, и почему эти люди напали на нас с такой яростью? Снова спустившись в центральный пост, я поднял перископ и прикинул к его окулярам. Ужасу моему не было предела. Туман уже почти рассеялся – и я увидел, что наша субмарина находится где угодно, но только не в тихой и мирной Франции. Дикий лес, которыми поросли склоны окрестных холмов, недвусмысленно говорил об этом, а еще тут и в самом деле была середина осени, поэтому ветви деревьев были раскрашены всеми оттенками багрянца и желтизны. Но самое страшное было в том, что я не увидел многочисленных деревень с трудолюбивыми французскими крестьянами и плантаций винограда, что прежде в изобилии были разбросаны по этим холмам. Вместо этого прямо напротив того места, где нас выбросило на отмель, раскинулось довольно странное поселение, состоявшее из нескольких длинных белых домов, и над их трубами поднимался дымок. Еще что-то сильно дымило в ложбине за ближайшей возвышенностью, но отсюда было не разглядеть, что там находится.

Но самой кошмарной деталью окружающего нас пейзажа был расположенный чуть выше по течению ряд воткнутых в землю копий, или длинных кольев, увенчанных отрезанными человеческими головами... Некоторые из них уже превратились в донельзя обклеванные птицами черепа, другие были совсем свежими, будто их насадили только вчера. Зрелище поучительное и в какой-то мере фантастическое, ибо рядом соседствовали – я протер глаза – головы в древнеримском шлеме и в кепи солдат вермахта.

Да что же происходит?! Ощущение такое, будто в этом странном месте каким-то образом пересеклись несколько эпох... Но неужели такое может быть? Ну вот же, глаза меня не обманывают... И то, что мой привычный мир для нас утерян,

мне придется принять как данность. Это звучит фантастично, но ведь надо же от чего-то отталкиваться, иначе и спятить недолго... Мы угодили туда, где живет некая чрезвычайно воинственная группа людей, для которых этот мир – свой, родной, и это дает им неоспоримое преимущество. Ну а те, что попадают сюда случайно необъяснимым образом (подобно нам), становятся их жертвами... Очевидно, местные обитатели убивают всех чужаков, и нас ждет та же участь – глядеть с высоты кола на окружающую действительность. Деться нам никуда, так что в самом ближайшем будущем придется сдаться на милость победителя, чтобы он прекратил наши страдания от голода и жажды – если, конечно, вражеские солдаты не возьмут субмарину штурмом...

А их на берегу собралось уже много – гораздо больше тех двух десятков, которые взяли нас под обстрел первоначально. Одни из них устанавливали станковые пулеметы на треногах, другие вдвоем-втроем тащили к берегу легкие челноки, сделанные из кожи каких-то морских животных. Сейчас они преодолеют разделяющую нас узкую полоску воды, ворвутся на палубу – и тогда тем из нас, кто выжил и остался на ногах, останется только запереться внутри и умирать там голодной смертью. Хотя о чем я: у нас же на субмарине запасов продовольствия до апреля, а если учесть уменьшившееся количество едоков, то и вдвое больше. Опасность в другом. Вымаривая нас из консервной банки, напавшие на нас люди смогут закрыть на корпусе субмарины все отверстия, так что мы не сможем запустить дизель, чтобы подзарядить аккумуляторы, и когда они истощатся, нас ждет превращение субмарины в темный и холодный гроб, в котором к тому же не будет хватать воздуха. Нет, в такие игры я не играю, лучше уж сразу... И, быть может, на колья попадают головы не всех чужаков, а только тех, кто проявил по отношению к хозяевам этого места особую неуступчивость. А так и в плену люди тоже живут...

– Эй вы там! – говорю я стоящим в проеме люка дизелистам подчиненным лейтенанту Гвидо Белло. – Подайте мне какую-нибудь палку и что-нибудь белое. Мы сдаемся, чтобы сохранить ваши бестолковые жизни.

Мне принесли ручку от швабры и парадную рубаху-форменку, в которых матросы обычно выходят на торжественные построения. Как я понимаю, своему владельцу эта рубаха уже без надобности, а потому привязываю ее за рукава к рукоятке швабры и лезу вверх оповещать хозяев этих мест о своих мирных намерениях. Лишь бы они захотели вступить в переговоры и принять нашу почетную капитуляцию. Все что угодно, лишь бы голова моя не оказалась на колу. Несколько минут томительного ожидания – и вот с берега уже кричат по-

немецки:

– Сдавайтесь на нашу милость, и мы сохраним вам жизнь! В нашем плену вас ждет сытное трехразовое питание, хорошая работа и медицинская помощь, кому она понадобится!

Облегчению моему не было предела: после сдачи в плен нас пообещали не убивать, и к тому же кормить и лечить, а что касается работы, то я полагал, что на офицеров принудительный труд обычно не распространяется. Ну ничего, я еще свое возьму.

– Хорошо! – также по-немецки закричал я в ответ. – Мы сдаемся на вашу милость и призываем в свидетели Иисуса Христа и Пресвятую Деву Марию, что вы обещали нас не убивать. Это говорю вам я, командир субмарины «Лоренцо Марчелло» итальянского королевского флота, капитано ди корвета Карло Альберто Тепати. Скажите, что мы должны делать дальше!

– Вылезайте из своей консервной банки, – прокричали в ответ, – все до одного и без оружия, и построитесь на носу лицом к противоположному берегу. Руки держите поднятыми и не оборачивайтесь, в противном случае условия капитуляции будут недействительными. Также недействительными они будут, если внизу хоть кто-нибудь останется. Тогда мы отрубим голову каждому десятому, а командиру вне очереди, но если оставшиеся еще и окажут сопротивление, то мы казним всех.

– Хорошо! – закричал я, – мы выходим, не стреляйте, прошу вас!

Я сказал Гвидо Белло, чтобы он выгонял своих архаровцев и строил их на палубе лицом к противоположному берегу. По большей части в низах осталась как раз трюмная команда, ибо они считают себя свободными только тогда, когда субмарина ошвартована в базе, а все остальное время дизелисты и электромотористы должны находиться на боевых постах. Я прошелся по субмарине последним, убедившись, что никто не спрятался, затем вышел на палубу и присоединился к остаткам своей команды. Вглядываясь в поросший лесом противоположный берег, я думал, что сейчас у нас за спиной к субмарине приближаются челны с чужими солдатами, и вот-вот я окажусь в плену.

Чужаки действительно довольно быстро пристали на своих челнах к борту нашей субмарины. Их шаги были тихи и бесшумны, как у каких-нибудь диких котиков. В этом я убедился, когда нам, связав за спиной руки сыромятными ремешками, разрешили обернуться в сторону наших победителей. По большей части они представляли собой девок. Да-да – девок, прельщающих взор какой-то особенной дикой красотой. Их лица были размалеваны устрашающей раскраской как у дикарей, вышедших на тропу войны, а глаза смеялись. Мы оказались для них легкой добычей, и сегодня у них есть причина для торжества...

Нас стали спускать в челноки и перевозить на берег, где нас, очевидно, поджидает встреча с местным начальством и первый допрос. И тогда я обязательно спрошу у них – почему эти люди напали на нас без предупреждения и с такой яростью?

1 октября 2-го года Миссии. Понедельник. Около полудня. вблизи от поселения племени Огня, берег Гаронны выше по течению от устья реки Ближней, мостки для ловли рыбы.

Андрей Викторович Орлов – главный охотник и военный вождь племени Огня.

Как я и говорил, все решили быстрота и натиск: если бы мы проваландались до того момента, когда над рекой рассеется туман, то переговоры с позиции силы вели бы с нами уже итальянские подводники. У них два артиллерийских орудия и крупнокалиберные пулеметы, а у нас только легкая стрелковка. До наступления темноты они получили бы над нами решающее преимущество, и жертвы и разрушения могли оказаться весьма значительными. Но получилось все наоборот: решительным натиском мы разгромили врага и взяли его в плен. Почти три десятка итальянских моряков были убиты или утонули, восемь получили ранения различной степени тяжести, а еще человек двадцать попали в плен целыми и невредимыми.

Раненых мы, как и обещали, перевязали. Сейчас их по одному доставляют на берег, чтобы потом переправить на УАЗе в Большой Дом, где доктор Блохин уже развертывает операционную. Благодаря дерзости и быстроте Сереги никому из наших медицинская помощь не понадобится. Среди пленных оказались командир подводной лодки Карло Альберто Тепати, старший механик Гвидо Белло и первый вахтенный офицер Раймондо Дамиано (это именно его в самом

начале захватил Серега), а среди тяжелораненых – старший офицер Джерардо Негри. Вон они, господа итальянские офицеры – стоят отдельной группой в стороне от своих подчиненных. Морды обалделые – шок и скепсис в одном флаконе, – смотрят, как Серегины волчицы, морщась от тяжелого запаха, раздевают догола их подчиненных с целью шмона. А то черт их знает, этих итальянских мафиозо, что на самом деле у них в головах, и особенно в карманах.

Вот у одного такого «умного» из-под блузы выпал на землю выкидной нож... Серегины волчицы, несмотря на сопротивление, тут же поставили ножевладельца на колени и, взяв за патлы, задрали ему подбородок вверх, открывая горло. Команду отрезать эту пустую голову им должен дать Серега, а тот вопросительно смотрит в мою сторону. Правильно, это ж моя прерогатива – решать вопросы жизни и смерти оболтусов, не понимающих предъявленных им условий капитуляции. И только потом все пойдет по инстанциям – я дам согласие Сереге, а уже он кивнет урожденной волчице Чилле, чтобы та сабельным штыком от американки лишила этого засранца жизни. Чик – и уже там.

– Переводи, – говорю я Александру Шмидту, – и пусть кто-нибудь из офицеров на чистом итальянском языке донесет мои слова до своих бывших подчиненных. По условиям капитуляции они должны были оставить все оружие и выйти к нам с голыми руками. Мы люди злые и недоверчивые, и поэтому всегда проверяем, как выполняются наши инструкции. Теперь, чтобы убедить вас в серьезности своих намерений, мы отрежем этому обормоту голову и вздернем ее на пике на страх врагам. И так будет с каждым, у кого еще найдут нож или любую другую вещь, которую можно использовать в качестве оружия. Впрочем, у тех, кого еще не обыскивали, есть шанс спасти свои жизни, добровольно выбросив запрещенные предметы.

– Подождите, не убивайте, господин начальник! – говорит в ответ старший механик лодки лейтенант Гвидо Белло – единственный, на мой взгляд, порядочный человек в этой офицерской своре. – Старшина третьего класса Бенедетто Кавалли не хотел сделать ничего плохого, а нож пытался спрятать по неразумию...

– Неразумие в наших условиях не может считаться смягчающим обстоятельством, – строгим тоном говорю я. – Мы тут лучше других знаем, как может быть опасен человек, не умеющий обуздывать свои мелкие хотения. Посмотрите вокруг. За исключением нашего маленького поселения, весь

остальной мир пребывает в первобытном состоянии. Люди тут ходят в шкурах, используют орудия из камня, и каждый день и час сражаются с призраком голодной смерти. Тут нет места среди живых безответственным придуркам, не понимающим, что любые договоренности необходимо выполнять вне зависимости от своих желаний, а обман и неблагодарность являются тягчайшими преступлениями. Одержав победу, мы согласились оставить вас в живых и обращаться с вами по-человечески при том условии, что вы полностью разоружитесь и будете выполнять все наши указания. И что мы видим? С самого начала некоторые из вас стали пытаться нас обмануть. Но так дело не пойдет, и чтобы показать, что мы настроены чрезвычайно серьезно, голова этого оболтуса будет отрезана и насажена на пику, а его тело мы бросим в реку, и пусть она отнесет его к месту вечного упокоения.

Александр перевел эту мою торжественную речь, и Гвидо Белло заговорил вновь.

– Пощадите его, господин начальник, не знаю, как вас там зовут, – перевел мне Александр, – не ради этой вашей варварски жестокой справедливости, которая пожирает живых людей, а ради истинно христианского человеколюбия...

– Во-первых, синьор Белло, – сказал я, – вы можете называть меня синьор Орлов. Во-вторых – а вы сами думали о человеколюбии, когда топили торпедами невооруженные гражданские пароходы и расстреливали их из пушек? И даже если вы не стреляли по шлюпкам, эти утлые скорлупки в открытом море способны лишь продлить агонию спасающихся моряков – вроде того, как наш разговор сейчас продлевает ожидание смерти у того несчастного, который первый попался с ножом. Впрочем, сегодня я добрый, потому что для нас бой обошелся без малейших потерь. Вашему подчиненному пока сохранят жизнь – до решения нашего священника падре Бонифация, возьмет он к себе его еще одним монахом или нет. Однако до этого решения преступник может и не дожить. Если еще хоть у одного из вас найдут что-нибудь запрещенное, это будет означать, что мое милосердие не пошло впрок, и тогда мы казним всех грешников разом.

Когда Александр перевел мой ответ, лейтенант Гвидо Белло промолчал, чуть заметно кивнув, а вот командир подлодки (то есть бывший командир) Карло Альберто Тепати встрепенулся.

– Неужели у вас есть монастыри и священники, синьор Орлов? – с чисто итальянской эмоциональностью выкрикнул он. – Вы думаете, я не узнал тот язык, на котором вы разговаривали с этими адскими девами, расстреливавшими итальянских моряков как куликов на болоте? Ведь вы же русские! А значит, априори люди злые и неуступчивые, не верящие ни во что, кроме своего марксизма-коммунизма. Скажите мне, почему вы напали на нас с такой яростью, почему убивали нас без предупреждения, даже не попытавшись вступить с нами в переговоры?

– А разве в этих переговорах был смысл? – загораясь священной яростью, спросил я. – Разве вы согласились бы жить с нами в мире и согласии? Разве вы не пожелали бы использовать свое преимущество в тяжелом вооружении, чтобы под страхом разрушения всего, до чего смогут долететь ваши снаряды, захватить тут власть и самому сделаться господином этих мест, превратив всех нас в своих рабов? Как человек, ответственный за безопасность нашего народа, однажды я поклялся, что у нас будут только дружественные соседи, или же не будет никаких. И по мере своих сил я выполняю эту клятву. А еще, синьор Тепати, для меня вы являетесь врагом, которого я должен уничтожить, едва увидев его в прицеле, или взять в плен. И в этом «или» ваше счастье. Если бы вместо вас были немецкие нацисты, мальчики Деница, то с ними бы разговор у меня шел только о полном уничтожении. Уж поверьте, у меня нашлись бы способы изолировать их лоханку от доступа воздуха, после чего они все там передохли бы от удушья. И не думайте, что им помог бы запас воздуха в баллонах: у нас достаточно терпения, а еще ни одна субмарина не смогла продержаться на глубине несколько дней подряд.

– Но почему вы считаете нас врагами? – вскричал бывший командир подводной лодки. – Ведь Италия и Советская Россия не воюют между собой.

– Не воюют, так будут воевать, – твердо сказал я. – А теперь напомните мне, синьор Тепати, какая дата стоит на вашем календаре...

– А зачем вам это знать? – огрызнулся экс-командир субмарины. – Исходя из статей Женевской конвенции, я не обязан сообщать вам никаких сведений, кроме своего имени и воинского звания...

– А при чем тут Женевская конвенция? – почти ласково спросил я. – Где она, а где вы? Тут с вами будут хорошо обращаться только при условии искреннего и добровольного сотрудничества. В противном случае вы сами выберете свою

судьбу. И, кроме того, это сведения совершенно не секретные. Ну-с, я жду...

– На нашем календаре двадцать пятого февраля сорок первого года... – вместо экс-командира сказал Гвидо Белло.

– Через четыре месяца от того времени, – сказал я, – Гитлеровская Германия, иначе именуемая Третьим Рейхом, вероломно, без объявления войны и разрыва Пакта о Ненападении начнет войну против Советского Союза, застав его врасплох. И почти сразу же в его священном походе против мирового коммунизма к Гитлеру присоединится ваш придурочный дуче. Война продлится четыре года, унесет почти пятьдесят миллионов жизней, и закончится полным и безоговорочным поражением наших врагов. В результате наша армия возьмет Берлин штурмом и Гитлер сожрет яд в своем бункере, лишь бы не сдаться нам живым. Что касается вашего Муссолини, то народ Италии восстанет, поймает своего мучителя и вместе с его любовницей Кларой Петаччи повесит за ноги на уличных фонарях. Именно на основании этих фактов у нас принято считать итальянцев небезнадежными, а немцев – не стоящими усилий на их перевоспитание. Впрочем, если к нам попадет немец, и при этом успеет сдаться в плен быстрее, чем мы его убьем, то и у него тоже будет шанс продолжить свое брэнное существование, но только в ипостаси монаха падре Бонифация...

– А вы, синьор Орлов, сюда из какого времени провалились? – как будто пытаюсь перебить послекусие от моих слов, быстро спросил Гвидо Белло. – Ведь умному человеку понятно, что вы совершенно не похожи на современных русских большевиков. Те тугодумны и очень неуклюжи, а вы очень быстро принимаете решения и действуете с такой же молниеносной быстротой.

– Мы не провалились, а добровольно эмигрировали в Каменный век из две тысячи десятого года, – ответил я. – Наша группа была единственной, кого в доисторическое прошлое заманивала возможность начать жизнь с чистого листа, а всех остальных, вроде вас, грубо ловили, будто бабочек сачком, и сбрасывали к нам сюда. Впрочем, об этом мы поговорим с вами позже, если на то будут основания. Вы что, думаете, я тут перед вами от скуки распинаясь, разговоры разговариваю? Совсем нет. Темпоральная ловушка, как и ладья Харона, обратно не перевозит. Вы все здесь навсегда, и плен ваш совершенно особого рода. Или вы станете полноправными членами нашего общества, разделяя его цели и задачи, или совершите какую-нибудь фатальную ошибку, после чего ваш труп отправится в реку, а голова на пику. Долгое хранение человеческого балласта тут не приветствуется, ибо это влечет за собой риск

возникновения заговоров обиженных. Задумайтесь об этом, господа офицеры. Мы готовы принять любого, невзирая на происхождение, но этот любой должен научиться разделять наше мировоззрение.

Ага, притихли и задумались: кто-то испуганно, кто-то с сомнением. Ну а я совершенно не представляю, что теперь делать с этими итальянцами... Скинул Посредник в прикупе такое, на что глаза бы мои не глядели. Единственный ценный человек в этой офицерской команде – лейтенант Гвидо Белло, заступавшийся за своего человека, пока остальные офицеры помалкивали в тряпочку. И, кроме того, он старший механик лодки – а значит, ценный технический специалист, хотя я пока не представляю, как эти его знания можно будет использовать. Но, кроме Посредника, никто не знает, что упадет на наши головы в следующий раз. Быть может этот Гвидо Белло – составная часть общего паззла, а быть может, и нет. И даже среди офицеров (особенно тех, кто по технической части) могут быть тайные сторонники социалистов и даже коммунистов... (но это я, кажется, замечтался). А пока надо поговорить с нашим кадетом и высказать ему одобрение. Сереге-младшему, как главному участнику нынешних событий, я уже все сказал, похвалив за дерзость и отругав за недочеты, которые не обошлись большой кровью только по причинам итальянской растяпистости; а вот дебют новичка требуется отметить особо.

– Хорошо сделано, Александр, – говорю я, пожимая юноше руку. – Благодарность тебе в приказе и рукопожатие перед строем за отлично проведенные переговоры. А также поздравляю тебя, кадет, с производством в действительные члены клана Прогрессоров, и вообще нашего племени Огня.

– Спасибо, Андрей Викторович, – отвечает тот, – но скажите, а почему Прогрессоров?

– А куда тебя еще приписать? – вопросом на вопрос отвечаю я, – на французов ты по менталитету похож меньше, чем на нас, несмотря на свой статус эмигранта, а о кельтах, аквитанах и римлянах и вовсе говорить не стоит. Так что ты, доктор Блохин и сержант Седов отныне относитесь к клану Прогрессоров – руководящей и направляющей силе нашего общества. Впрочем, об этом мы в любом случае собирались объявить на сегодняшнем вечернем празднике, нынешнее происшествие только подтвердило правильность этого решения. А теперь скажи – что ты думаешь об итальянцах?

– В какой-то мере они лучше немцев, но ненамного, – сказал Александр. – Вы поступили совершенно правильно, когда не дали им опомниться, и сейчас, когда сразу ставите их перед неизбежностью. Несмотря на всю свою легковесность, чувствуя перед собой слабейшую сторону, эти люди начинают сильно наглеть. Примером тому – их война с абиссинцами, когда они травили полуголых негров газами и бомбардировали с аэропланов, пользуясь всеми преимуществами цивилизованной нации перед дикарями. Я думаю, что с ними надо поступать поостороже, чтобы они сразу знали, кто тут начальник, а кто дурак. Господин Гай Юний гораздо больше похож на обычного русского офицера, чем эти люди, которые называют себя его потомками.

Ага, вспомни римлянина – он и появится: вот сюда пылит УАЗ, а в его кузове, вместе с Сергеем Петровичем и отцом Бонифацием, свесив ноги, сидит означенная личность в полном прикиде римского центуриона, за исключением вооружения. За рулем – юноша из французского пополнения Матье Лафар, на пассажирском сидении – княгиня Сагари. Она уже слегка обтесалась в нашей действительности, и теперь уже не сжимается в комочек каждый раз, когда садится в автомобиль...

Кажется, у нас тут назревает военный совет «на ногах», до полного кворума не хватает только Антона Игоревича, леди Гвендаллион и Марины Витальевны. Но с их участием мы обсудим итальянский вопрос позже. Отец Бонифаций, кстати, тоже рвался пойти с нами в бой, да только я запретил. Нечего... хватило ему и прошлого раза, едва откачали. Пусть сейчас занимается своим прямым делом – вместе с леди Сагари сортирует наш полон, отделяя агнцев от козлищ...

Кстати, появление УАЗа не осталось незамеченными и итальянцами, особенно офицерами. Рядовых пока продолжают обыскивать, правда больше ни у кого не находят ничего запрещенного. Автомобили итальянцам, конечно, не в диковинку, но вот соседство римского центуриона с христианским священником и леди Сагари вводит их в состояние определенного недоумения.

И вот УАЗ останавливается, Гай Юний косолапым медведем спускается на землю и помогает покинуть машину леди Сагари. Наша аквитанская княгиня особенно хороша. Она невысокая, но ладная, статная, с волосами цвета воронова крыла, убранными под красный платок-тюбан. Из одежды на ней – красная юбка, украшенная черными аппликациями, черный жилет с серебристой вышивкой поверх белой рубахи с пышными рукавами, и такой же черный передник. И две главных детали костюма: большой деревянный крест, напоказ висящий поверх

жилета, и широкий кожаный пояс-баска, на котором в ножнах висит штык-нож от помпового винчестера – в знак того, что эта особа не рядового звания и имеет право отдавать приказы.

Остальные спрыгивают самостоятельно, после чего волчицы начинают грузить в машину итальянских раненых. А у нас сейчас начнется настоящий разговор, ибо леди Сагари – это еще тот детектор лжи.

Тогда же и там же.

Сергей Петрович Грубин, духовный лидер, вождь и учитель племени Огня.

Когда мы прибыли на берег, у Андрея был такой вид, будто он готов сию минуту выстроить всю эту банду итальянских бабуинов в голом виде у уреза воды и приказать покрошить их огнем из пулемета. И пусть сержант Седов находился в немецком, а не итальянском плену – при получении приказа рука у него не дрогнет. Но оказалось, что гнев нашего главного охотника и военного вождя направлен не на итальянцев вообще, а по большей части на их бывшего командира. Неприятный разговор, как я понял, случился некоторое время назад, и теперь товарищ Орлов медленно остывает. Видимо, смерть никому пока не грозит, ибо Андрей свято чтит договор капитуляции. Чтобы казнить сдавшегося врага, тот должен совершить какой-нибудь тяжкий проступок. Впрочем, в наших условиях все проступки тяжкие, и как раз это итальянцам и следовало объяснить в первую очередь.

Но итальянскими моряками наш профит от этой скоротечной операции не исчерпывается. Еще в активе имеется целая куча различных материальных ценностей, которыми эта лодка набита, как пещера Аладдина сокровищами. Помимо очевидного использования трофейного вооружения (для обороны нашего поселения), интерес представляют мощные дизели, электромоторы, провода, оптика и многое другое. И утилизировать эти сокровища нужно как можно скорее, ибо зимой это изделие итальянских мастеров вмерзнет в лед, а потом весенний ледоход неизбежно сомнет его и отправит вниз по течению до самого Бискайского залива.

Но все же сначала нужно разобраться с тем, что тут без нас наредил наш военный вождь по горячим следам после побоища, и вообще кто тут есть кто.

Вон те трое в фуражках, под прицелом помповых дробовиков девиц из подразделения Гуга – наверняка офицеры, а обыскиваемые Серегинными Волчицами раздетые догола типы – это матросы.

– Ну, как дела, Андрей? – спрашиваю я. – Надеюсь, все прошло благополучно?

– Можно сказать и так, – ответил тот. – Вот скинул Посредник подарочек, и сейчас я думаю, что со всем этим делать.

– Давай подумаем вместе, – сказал я. – Есть какие-нибудь соображения?

– По моему мнению, этот заброс был на пополнение нас вооружением. И не исключено, что в ближайшее время на наши головы свалится нечто такое, во что понадобится стрелять из пушек или крупнокалиберных пулеметов. Сначала Посредник забрасывает к нам кадрового артиллериста, командира орудия, а потом для него прибывает материальная часть... А еще нас проверяли на быстроту реакции, ибо еще немного – и нам пришлось бы потерять большую часть из того, что мы привезли с собой из дома и нажили здесь непосильным трудом. Когда рассеялся туман, в прицеле итальянских артиллеристов оказалась вся Промзона вместе с пилорамой и генератором. А командир этой подводной лодки – еще тот воинственный бабуин, храбрый только со слабыми, и он, не колеблясь, отдал бы такой приказ. Серега успел зачистить палубу от итальянских артиллеристов буквально в последние минуты, за что честь ему и хвала.

– Ну что же, – сказал я, – хорошо все, что хорошо кончается. Я тут немного подумал, и решил, чтобы не плодить сущности, присоединить итальянцев к нашим уже почти обращенным римлянам. Место в казарме найдется, и вообще они почти земляки.

– Понимаю, – сказал в ответ Андрей, – именно поэтому ты привез с собой Гая Юния...

– И поэтому тоже, – сказал я, – но тут есть один вопрос. Сколько их осталось в живых после твоего внушения?

– Двадцать здоровых, из которых трое офицеров, – ответил Андрей, – а также восемь раненых, и офицер там только один.

– Вот, – сказал я, – на такую маленькую группу четыре офицера – это откровенный перебор. Из четверых надо оставить только одного, не обязательно бывшего командира, а остальных дисквалифицировать в рядовые. Покажут, что в смысле знаний и умений они представляют собой что-то отличное от нуля – восстановим их в статусе. Не покажут – так и останутся рядовыми, которые должны чистить сапоги с вечера, чтобы с утра надеть их на свежую голову.

– А ты жесток, Петрович, – покачал головой Андрей, – нежного чувствительного итальянского офицера, деликатного будто барышня, собираешься бросить в статусе рядового в мужланскую древнеримскую казарму, где все по заветам предков – один за всех и все за одного. Ну а если серьезно, то кандидатура такого командира итальянского манипула для Гая Юния у меня есть. Это лейтенант Гвидо Белло, старший механик этой подводной лодки и, по моему мнению, порядочный человек. Когда я в поучительных целях хотел приказать отрезать голову одному его подчиненному, припрятавшему за пазухой нож, он вступился за него и не прекратил возражать, пока я не заменил тому обормоту смертную казнь списанием в монахи отца Бонифация. Итальянцы – люди, по большей части религиозные, и мне хочется верить, что наш добрый падре сумеет достучаться не только до их умов, но и до сердец.

– А вот это ты хорошо придумал, – сказал я, – но давай сначала посмотрим на твоего кандидата собственными глазами. – И, обернувшись назад, добавил: – Падре Бонифаций, леди Сагари, амиго Гай Юний, подойдите сюда – над поговорить о вещах, которые касаются вас непосредственно.

– Мы подойти и слушать, – сказал Гай Юний, до этого внимательно разглядывавший итальянских офицеров (впрочем, так же как и они его). – Что ты хочешь нам сказать, амиго Петрович?

– Вот эти люди, – сказал я указывая на итальянских моряков, – твои земляки, считающие себя потомками римлян...

– Но, амиго Петрович... – возразил Гай Юний, – эти люди не похожи на обитателей Рима или наших союзников италиков. Да и речь их такой смешной, так в Риме не выражаться даже самый глупый деревенщина из горной глуши!

– Так ты все же понимаешь, что они говорят? – спросил Андрей.

– Как говорить у вас, «моя твоя не понимать», – ответил тот. – Вас я понимать и говорить более хорошо.

– Тем лучше, – сказал я, – потому что мы решили включить этих людей в твою сводную когорту на правах отдельного манипула. Только предупреждаю, что если у римлян в веках осталась репутация образца организованности, собранности и полного порядка, то итальянцы в этом смысле устроены прямо противоположным образом.

– И поэтому вы, амигус, решили отдать этот обормот нам на перевоспитание? – рассмеялся старший центурион. – Ха-ха-ха! Каструм уже почти готов, так что поместимся. Вы получить их обратно шелковый, как идеальный солдат, ведь это говорю вам я, старший центурион Гай Юний! – И, вернув себе серьезный вид, он добавил: – Кто будет назначать им командир – вы или я?

– Командира им назначу я, – сказал Андрей и добавил для стоящего поблизости Александра Шмидта: – Александр, приведи-ка сюда лейтенанта Гвидо Белло. Есть разговор.

– Слушаюсь, Андрей Викторович, – сказал тот, ушел и почти сразу же вернулся с невысоким, даже ниже меня, коренастым офицером типично итальянской наружности.

– Значит, так, – сказал наш военный вождь, – переводи. Мы тут посоветовались и решили передать вас для перевоспитания искупления в состав сводной когорты бывших римских легионеров под руководством старшего центуриона Гая Юния. Вот он стоит перед вами собственной персоной. Это очень хороший, но достаточно строгий командир, и вам следует приготовиться к тому, что всякие признаки неразумия из ваших матросов будут выбивать палками и кулаками. Но поскольку римляне сами еще не до конца завершили процесс искупления, их подразделение курирует присутствующая тут леди Сагари – она наблюдает за тем, чтобы римляне соблюдали установленные нами порядки и правила, а также следит за их материальным благополучием. По духовной части над вами будет находиться отец Бонифаций, христианский священник из начала седьмого века. И лишь в вопросах жизни и смерти над вами буду властен я один, и больше никто...

– Я ничего не понимаю, синьор Орлофф, – сказал итальянец, выслушав перевод. – А римской легион, черт возьми, как тут оказался? И что у вас делает священник из седьмого века, а также в каком статусе будем находиться мы, итальянские офицеры, ведь синьор Гай Юний наверняка захочет назначить к нам своих командиров?

– Римский отряд мы победили за некоторое время до вас, – ответил тот, – и те легионеры, которые уцелели в том бою, уже достаточно далеко продвинулись в деле превращения в полезных членов нашего общества. Отец Бонифаций происходит из другого времени и места, вместе с группой корнуолльских кельтов он бежал от саксонского набега, в результате чего они все прибежали прямо в наши объятия. Падре у нас просто идеальный священник: искренне верующий, умный, и в то же время не фанатик. Здесь, в мире до начала времен, когда не родился еще Сын, и из состава Троицы на небесах присутствуют только Отец и Святой Дух, он поставил себе цель создать Писание Шестого Дня Творения. Что касается командира для этого сводного манипула, то мы, посоветовавшись, решили назначить им именно вас, а остальных офицеров временно дисквалифицировать в рядовые, а там будет видно. Если кому-то не понравится это решение, то наши методы решения подобных проблем вы уже знаете – башку с плеч, тушку в реку, дело в архив...

– Вы это серьезно, синьор Орлофф? – переспросил Гвидо Белло, недоуменно моргая. – Меня, самого нижестоящего из офицеров, делать командиром над всей уцелевшей командой, в то время как капитано ди корвета Карло Альберто Тепати остался в живых... и именно он должен командовать над всеми нашими людьми! Меня же никто просто не признает...

– Признают, – уверенно сказал Андрей, – ибо при первых признаках неповиновения мы начнем репрессии, и самое мягкое наказание за такое – списание в монахи к отцу Бонифацию. Если вы не забыли, один кандидат в монахи у нас уже есть, и если к нему добавится еще двое или трое, то от этого ничего не изменится.

– Это именно так, – вставил свои пять копеек отец Бонифаций, – я готов принять к себе любого грешника, чтобы смирить его гонор и примирить дух со Всевышним. Присылайте сколько надо, чем больше у меня будет монахов, тем лучше.

– Вот именно, – сказал Андрей, – монаху у нас живется значительно тяжелее: падре изнуряет его тело тяжелыми работами, а дух – молитвой. Что касается вас, то вы единственный вступились за своего человека, когда ему грозила смерть, в то время как ваш бывший командир не сказал в его защиту ни одного слова. Поэтому не спорьте и прикажите своим людям одеться и выстроиться, чтобы мы могли объяснить им правила новой жизни.

Тогда же и там же.

Княгиня Сагари (27 лет), темпоральная вдова и глава клана васатов-аквитанов.

Я иду вдоль выстроившихся в ряд людей из далеких будущих времен – и вижу в их глазах страх и отчаянье, без всяких проблесков надежды. Им тут, в мире Эцай и Отци, тоже несладко, они хотят обратно к себе, в свой мир, но уже знают, что волшебная дверь открывается только в одну сторону. Чуть поодаль над водами реки выступает длинный и узкий железный корабль, который привез их сюда. Мне сложно представить, что тяжелое железо может плавать по воде, но раз так говорит Эцай, то так и есть. Мрачный плод ненужных знаний, предназначенный для разбоя и убийства, этот корабль доставил свою команду в этот пустынный мир только для того, чтобы часть ее была истреблена Отци как неспособная ни к чему созидающему, а другая послужила бы составной частью для создания нового народа. Но не стоит сравнивать этих людей с римлянами – те прямые и жесткие как копья, а люди, что сейчас стоят передо мной, больше похожи на кривые извивающиеся корни.

Поэтому уделом римлян было ужасающее величие, бросившее свою тень через века, а на этих людей, которых Отци и Эцай называют «итальянцами», без усмешки и не взглянешь. Я вижу, что самостоятельно их страна не может добиться не только величия, но даже более-менее пристойного существования, а потому вынуждена вступать в союзы с сильнейшими. Но эти союзы не приносят ей благополучия. Или союзники окажутся нечестными и откажутся делиться добычей, или врагом себе они выберут кого-то вроде Отци, из-за чего у них выйдет полный разгром. Хотя должна признать, как основание для общественного устройства, называемого государством, на роли тех, кто исполняет приказы и не принимает никаких решений, эти люди вполне пригодны.

Но стой, Сагари, не иди дальше! Прямо напротив меня – человек, и я вижу, как в его глазах промелькнула тень черных мыслей. На нем куртка из кожи, а на околыше плоского головного убора нашиты два полоски желтой ткани – снизу широкая, а сверху узкая. Этот человек испуган, и вместе с тем обуян алчностью. С помощью обмана и коварства он рассчитывает добиться успеха там, где потерпела крах сила оружия. А еще он уверен, что его соплеменники его поддержат. Сейчас он себя сдерживает и старается казаться дружелюбным, но потом, когда его планы воплотятся, править он будет как ужасающе злобный тиран, проклиная всех вокруг и даже верховное божество – за то, что оно забросило его в этот мир и не собирается вернуть обратно.

Этот человек догадался, что я поняла его истинную сущность, и в его глазах вместе с ужасом блеснула багрово-красная ненависть. И тут я почувствовала, как за моей спиной разом встали Отци и Гай Юний, придавая мне храбрости и вселяя отчаяние в моего врага. Да, это мой враг. Он хочет уничтожить мое будущее, будущее моих дочерей и будущее всех тех людей, которые сделали нам добро. Я это понимаю так же очевидно, как чувствую ту страсть и нежность, которую испытывает ко мне самый лучший из римлян, и так же как ощущаю, что сердце мое отвечает взаимностью на эти движения его души. И за будущее среди народа, в котором не будет ни римлянина, ни аквитана, княгиня Сагари готова биться не жалея никого.

– Этот человек задумать плохое и не собираться выполнять договор, – сказала я на священном языке богов. – Он как Секст Лукреций Карр. Я видеть, что, потерпев поражение в бою, он решить добиться свой цель, делая обман и коварство... Ваш цель, новый народ – для него ничто, он жаждать полный власть. Для этого он готов делать убийство и предательство, а еще он думать, что соплеменник поддержать его такой желание.

– Я тоже это видеть, – поддержал меня тот, кого мы, аквитаны, зовем земным воплощением Йайна Гойкоа. – Все люди, кто тут стоять, сильно грешный, но этот человек весь сделан из греха. Я очень сожалеть, да, я сильно сожалеть, но его нельзя делать монах. Бесполезно и опасно. Он бояться вас, но все равно жаждать господство.

Тогда же и там же.

Андрей Викторович Орлов – главный охотник и военный вождь племени Огня.

После того как княгиня Сагари, а потом и отец Бонифаций фактически вынесли главарю итальянских подводников смертный приговор, возникла пренеприятнейшая ситуация. Вроде бы после такого предупреждения, если уж отец Бонифаций отказался брать этого типа к себе в монахи, однозначно требовалось выносить высшую меру социальной защиты, но мы же с Петровичем далеко не итальянские фашисты, и не можем нарушить свои же условия капитуляции. Если этот человек сдался нам без сопротивления, то без каких-либо дополнительных причин (вроде припрятанного оружия) его не нельзя лишить жизни, несмотря на то, что в голове его бродят самые черные мысли. И Петрович со мной в этом согласен.

– Нет, честный отче, – говорит он, – вы возьмете его к себе и будете пытаться утешать его душу. А вот если он взбрыкнет и откажется выполнять предписанное, то вы передадите его светским властям, то есть нам, и умоете руки.

– Да, – подтвердил я, – если для нашей святой матери церкви грех мыслию не менее, а может быть, и более тяжкий, чем грех делом (ибо с черных мыслей начинаются все несчастья на свете), то мы, светские власти, не можем рассматривать невысказанное мыслепреступление в качестве причины для лишения потенциального злодея жизни. Единственное наказание, которое мы можем предписать этому человеку, это списание в монахи, и там он либо смирится и перекуется, либо взбрыкнет, как это было с одним из предыдущих ваших духовных пациентов – и вот тогда мы недрогнувшей рукой отрубим ему голову.

Пока отец Бонифаций думал, все еще стоящий рядом со мной Александр тихонько спросил:

– Андрей Викторович, а почему списание в монахи так страшно? Я понимаю, почему вы тогда «списали» в монахи этого Голубенко – пренеприятнейший был тип – но абсолютно не понимаю, из-за чего он тогда взбунтовался?

– Первые монахи у отца Бонифация образовались из помилованных преступников-бунтовщиков, приговоренных к смертной казни, – так же тихонько пояснил я. – С точки зрения светских властей, после произнесения приговора

такие люди уже мертвы: у них нет ни имен, ни собственности, ни каких-либо семейных отношений, и дыхательный процесс они совершают только милостью Великого Духа. Поэтому с точки зрения общественного положения статус монаха – абсолютно тупиковый. Монах – это в прямом смысле слова раб Божий, сохранивший жизнь только Его милостью, и больше ничьей, ибо Закон уже обрек его на смерть. Он не может стать никем, даже священником, и избавить его от этого статуса может только физическая смерть. Кающийся грешник может исправиться и довести свое духовное совершенство до уровня святости, но внешний мир не будет его замечать до того момента, пока он не умрет и не будет канонизирован. Сейчас с этого человека сдерут одежду, оставив его абсолютно голым, потом выбреют голову, и затем он должен следовать за падре как привязанная собачка, ибо если монаха застигнут за пределами своего подворья без сопровождения священника, то он считается беглым и должен быть немедленно убит.

– Какой ужас! – сказал Александр. – Я бы точно не смог так жить...

– Тебе это не грозит, – ответил я, не спуская глаз с «пациента», – ты вполне соответствуешь нашему с падре представлению о том, каким должен быть хороший человек и добрый христианин (хотя здесь, конечно, это слово не в ходу). И в рай ты попадешь, минуя всяческие дополнительные испытания, после долгих лет честной жизни. По крайней мере, мне хочется на это надеяться.

Падре Бонифаций, тоже слушавший наш разговор, тяжело вздохнул.

– Каюсь, – сказал он, – что я допустил слабость, забыть, что даже самый отъявленный грешник возможно заставить раскаяться или показать свой настоящий нутро. Прости меня, Господи, и вы меня простить, добрый люди. Я принять этот человек к себе и делать с ним что положено.

Ну вот и до отче дошло, что есть что. А вот нечего увилить от своих профессиональных обязанностей – потому мы монашеский статус и заводили, что бывают случаи, что и голову отрубить нельзя, и среди живых этого человека оставлять противопоказано. Вот и на этот раз случился подобный вариант, ибо списание в монахи ничуть не нарушает условия капитуляции. Питаются и получают медицинскую помощь они на общих основаниях, и хороших работ на постройке подворья у них тоже хоть отбавляй. По сравнению с немецкими концлагерями для пленных, как о них рассказывают доктор Блохин и сержант Седов, это и вообще чистый курорт: ведь мы с падре не ставим себе целью

заморить наших монахов голодом до смерти или заставить их надорваться на тяжелых работах.

Когда все, казалось бы, было уже решено, и наши Волчицы, выстроившись в ряд позади пленных, были готовы начать физическое принуждение грешника к покаянию, у бывшего главаря подводных пиратов не выдержали нервы. Преступление, которое он совершил, зная мы о нем заранее, с самого начала, оставляло этого человека без головы, не вызывая в нас никаких моральных терзаний – ибо нефиг прятать в потайном карманчике за голенищем сапога маленький дамский пистолет. Увидев, как этот тип начинает наклоняться к правой ноге, Гай Юний своим древнеримским умом подумал о кинжале – и, сделав шаг в сторону, прикрыл собой леди Сагари и частично отца Бонифация. А я, имея свои рефлексy, также на автомате извлек из плечевой кобуры верный кольт и, тоже сделав шаг в сторону, чтобы разблокировать директрису, двумя выстрелами с трех метров поставил точку в жизни капитано ди корвета Карло Альберто Тепати. Уже извлеченный из сапога никелированный дамский Браунинг калибра 6,5 мм выпал из ослабевшей руки, и тут же рядом на землю бесформенным комом осел его владелец. Готов!

Только теперь стало понятно, каким путем собирался претворять свои замыслы этот мерзавец. Вот они – «обман и коварство», которые увидела в его душе леди Сагари. И виновен во всем этом именно я, потому что не хотел на виду у всех подвергать офицеров тому же унижительному обыску, что и рядовых матросов. Поддался, так сказать, чувству профессиональной солидарности. Теперь следует иметь в виду, что делать так в дальнейшем категорически противопоказано. И вообще, сегодня многое прошло на грани фoла, и нам надо воспользоваться преподанным уроком, чтобы избежать тяжких последствий в дальнейшем. Ну что же, об этом я лично покаюсь падре в персональной беседе один на один, а сейчас нужно заняться делом.

– Этого «самого умного», – показал я рукой на труп бывшего итальянского командира, – раздеть догола, отрезать голову и вздеть ее на пику на страх врагам, а тело бросить с мостков – пусть несет его река. Всех остальных, кто пал в бою, собрать и похоронить на берегу в братской могиле, а падре помолится за их души, ибо они не ведали, что творили. И еще. Если кто еще из офицеров припрятал оружие, то лучше сдать его сразу, потому что при добровольной сдаче я обязуюсь не убивать этого человека. Раз. Два. Три. Обыскать!

Александр, вот умница, и без команды переводил мои слова на немецкий для Гвидо Белло, а уже тот доводил мои распоряжения до команды на итальянском. Опять двойной перевод, так что учить итальянцев русский языка предстоит самым настоящим способом. Кстати, офицеров я догола все же раздевать не стал, просто попросил их снять куртки и сапоги, после чего волчицы тщательно ощупали своих клиентов во всех местах и доложили, что никакого оружия, за исключением того, что даровано самим Великим Духом и болтается между ног, у этих двоих не имеется.

Ну, что ж, пора строить эту банду в колонну по два и вести ее на регистрацию и санобработку – второе в первую очередь, ибо воняет от них, как от месяц не мывшихся бомжей.

Четыре часа спустя. Первый этаж, правая столовая Большого Дома.

Большой Совет племени в полном составе собрался в Большом Доме за два часа до заката. Скоротечная, будто судорога утопающего, война с итальянской подводной лодкой закончилась, и теперь пришло время подводить итоги и попытаться понять, что это вообще такое было. Кстати, когда итальянские матросы помылись в бане (у легионеров), сдали свое шмотье в стирку и прожарку, временно получив взамен комплекты американской формы без камуфляжных пятен, и были размещены в римской казарме, лейтенанта Гвидо Белло также пригласили поучаствовать в разговоре. И вместе с ним в качестве переводчика пришел Александр Шмидт.

Когда военный вождь племени как собаку пристрелил бывшего командира подводной лодки, никто, по крайней мере открыто, не посмел усомниться в праве старшего механика возглавлять остатки команды. Главное, в этом не сомневалась сама команда, матросы и старшины, которым лучше был такой настоящий командир, чем полное ничтожество, пусть даже в статусе строевого офицера. А вообще еще и раньше в команде поговаривали, что старший механик их субмарины «красный», что он не одобряет политику дуче и все такое. Но разговоры, как говорится, к делу не пришьешь, тем более что пока Италия воевала только с Великобританией, оснований у командования Супермарины сомневаться в лояльности лейтенанта Гвидо Белло не имелось. Быть может, потом, после 22 июня 1941 года, такие подозрения бы и возникли, но это время в своем мире лейтенанту уже не суждено было застать.

Итак, вожди и приглашенные лица расселись на длинных скамьях за гладко обструганным столом, и слово взял главный охотник и военный вождь Андрей Викторович Орлов.

– Все прошло на грани фола, – сказал он, – было несколько моментов, когда мы оказывались на грани поражения, едва успевая пригнуться на поворотах. Первая моя благодарность – Антону-младшему, быстро и квалифицированно поднявшему тревогу. Если бы не он, то неизвестно, где бы мы сейчас были. Вторая благодарность – Сергею-младшему, сначала взявшему языков, а потом ружейно-пулеметным огнем очистившего палубу субмарины от присутствия неприятеля. Промедли он совсем немного – и мы имели бы на подлодке расчеты наготове, при орудиях и крупнокалиберных пулеметах, что сразу привело бы преимущество на сторону противника. Жертв с нашей стороны – как боевого состава, так и некомбатантов – могло бы быть выше крыши. Также моя благодарность – Александру Шмидту, послужившему переводчиком на переговорах, и княгине Сагари, которая вскрыла готовящийся обман. На этом добрые слова заканчиваются, и начинаются посыпания головы пеплом. Это именно я сразу после капитуляции, должен был приказать обыскать господ итальянских офицеров с таким же тщанием, как и матросов, но не сделал этого, отчего мне больно и горько. Если бы не княгиня Сагари и отец Бонифаций, дело в ближайшей перспективе могло бы кончиться плохо.

– Я тоже должен посыпать голова пепел, – сказал отец Бонифаций, – только не так сильно. Если бы я сразу согласился брать этот человек в монахи, такой опасной ситуации может и не быть. Но я сейчас говорить не об этом. Я говорить о том, что к нам сегодня попасть люди из проклятых времен, рядом с которым любой язычник из римский легионер – это просто святой. Это люди, которые знать заповедь Христа, но отвергнуть ее, потому что верить свой лжепророк. Этот Гитлер, о который вы говорить мне – настоящий Антихрист и достойный самый жаркий место в аду, и те кто был рядом с ним, поменьше, тоже не лучше. Они принести с собой грех, который тут не быть раньше. Гай Юний может делать из них хороший солдат, но грех – он как тихий яд, он остаться. Мы должен сделать все, чтобы так не быть. Тот грех должен быть размолот, скомкан и выброшен во тьму внешнюю. А тот человек должен видеть, что он есть куда стремиться.

– Эх, мальчики... – как-то невпопад со вздохом сказала Марина Витальевна, – а разве нельзя было попробовать вступить в переговоры, объяснить все и обойтись без стрельбы?

– Без стрельбы не обошлось бы, – мрачно произнес Петрович. – Если ты не веришь Андрею, поверь мне. Договариваться о мире с фашистами, пусть даже итальянскими, это все равно что попробовать ужиться в одной берлоге с крокодилом. Если бы Серега промедлил или Андрей не отдал ему вовремя соответствующий приказ, сейчас доктор Блохин без электрического света оперировал бы уже наших раненых, а те вооруженные силы, которые уцелели бы при артобстреле, отсиживались бы в лесу в ожидании темноты, чтобы под ее покровом попробовать совершить рейд возмездия. Мне сложно предположить, сколько человек у нас было бы убито, а сколько ранено, но это количество измерялось бы десятками. Помимо деревообрабатывающего цеха, казармы холостяков, семейного общежития и зимней столовой, мы лишились бы и «Отважного». Ведь, вытщенный на берег, он находился в прямой досягаемости для итальянских артиллеристов. Скажи, ты бы согласилась пожертвовать всем этим ради сомнительного удовольствия вступить в переговоры с таким подонком и фашистом, как Карло Альберто Тепати?

– Но это же страшно, мальчики! – сказала Марина Витальевна. – В каждом встречном видеть врага...

– Не в каждом, уважаемая Марина Антонина, – сказал отец Бонифаций, – а только в особо избранный негодяй. Если тут высадиться дикий сакс, то в них сначала придется стрелять из пулемет, и только потом нести Божье Слово кому пощадить пули. Мирный странник мы встретить как хороший гость, а враг с оружием пусть не обижаться, если мы его убить.

– Да, это так, – сказала Лиза, тетешкая на руках маленького Виктора. – и Сергей, и мой муж, и все наши прочие воины сражались, имея за спиной свои семьи, жен и детей...

– А за что сражались волчицы? – спросила Ольга Слепцова. – Ведь в силу своей многочисленности, пока римляне не поставлены в строй, они составляют основную часть нашего войска.

– Волчицы сражались за общество, в котором их впервые признали людьми, а не бесплатным приложением к мужчинам, – вместо Лизы ответила Ляля. – Так уж получилось, что вместе с сельским хозяйством мы непроизвольно начали внедрять в это общество матриархат...

– Туше! – сказал Сергей Петрович. – Хотя, я думаю, до таких перегибов, как матриархат, тут не дойдет. И до специальных женских амазонских батальонов, воительницы которых обязаны убить трех врагов, прежде чем им позволят выйти замуж – тоже.

– И я на это надеюсь, – сказал Андрей Викторович, – ведь на такие выкрутасы идут по причине нехватки нормального мужского призывного контингента. Но давайте прекратим отвлекаться от темы и вернемся к нашим баранам. У нас еще праздник осеннего равноденствия на носу, и он одновременно должен превратиться в триумф в честь нашей победы над враждебным вторжением. При этом в число празднующих следует допустить и римлян, как уже почти закончивших свое искупление. Посвататься к ним по нашим обычаям никто не сможет, а во всех прочих ритуалах и веселье пусть они принимают участие по полному праву.

– Я хотел бы дать вам поправку, – сказал отец Бонифаций, – тот римлянин, который уже уверовать в Великий Дух и креститься, должен считать прошедший искупление до конца и получить полное право брать себе желаемый жена. Да-да, даже если обряд крещения делать прямо на праздник.

При этих словах щеки княгини Сагари предательски вспыхнули пунцовым огнем. Старший центурион Гай Юний крестился у отца Бонифация почти сразу после нее, только крест свой носил не напоказ, как она, а на теле.

– Я думаю, что честный отче прав, – сказал Сергей Петрович, – для римлян, как и для многоуважаемой мною княгини Сагари, крещение означает разрыв с прошлым и окончательное слияние с нашим обществом – в том виде, в каком оно есть сейчас. И неважно, что пока не крещены ни Лани, ни полуафриканки, ни Волчицы: морально они вполне готовы к этому шагу, и как только прозвучит Проповедь, которую отче должен был заготовить на сегодняшний вечер, то можно устроить массовое крещение. Вопрос только в том, что сейчас уже слишком холодно, чтобы делать это по методу Святого Владимира.

– Ты не прав, друг мой Сергей, – с серьезным видом произнес Отец Бонифаций, – женщина из племени дочерей Тюленя, которых ты называть полуафриканки, и женщина клана Волка ты сам крестить горячей вода и острый сталь. Они измениться – значит, Великий Дух, Бог-отец, быть с тобой и водить твоя рука. Потому я признавать святость тот обряд. Женщина клана Лани тоже хорош. Ты делать их правильный мысли и теперь крестить – просто формальность.

Проблема в другой. Эти люди, итальянцы, считают себя христианами, но это у них, как это будет по-русски... ага – поверхностный. Марина Антонина про такой говорить, что он слышать звон, но не знать откуда. Христос про такой говорил – фарисей. Учить их правильная вера надо, хорошо учить, а крестить польза нет. Надо знать другой знак, что они уже наш, а не друг врага всех человеков.

– Отец Бонифаций на самом деле задал фундаментальный вопрос, – сказал Сергей Петрович. – Когда мы берем к себе людей из языческих времен и хроноабригенов, то совершенно четко способны увидеть ту грань, за которой они становятся «нашими». Но что делать с людьми из поздних эпох, уже формально крещеных, но несколько не соответствующих представлению отче, а значит и нашему, о добром христианине? Вспомнить хотя бы средневековых ландскнехтов, которые и шагу не могли сделать без упоминания Иисуса, девы Марии и прочих святых, и в то же время нарушавших все возможные заповеди. С Богом такие люди пытаются общаться как со строгим чиновником, которому можно сунуть взятку – в виде вклада в монастырь или подарка церкви – и тот закрывает глаза на любой грех или преступление.

– Ландскнехтов, если они тут появятся, мы поубиваем до последнего человека, не принимая капитуляции, – сказал Андрей Викторович. – Нафиг-нафиг нам такое счастье. Однако, и обычные, так называемые «добрые обыватели» из тех времен – не лучше. Но о них мы будем ломать голову, когда они появятся. Дело в том, что наши итальянцы произошли из двадцатого века, а это значит, к ним нужен совсем другой подход, чем к средневековым крестьянам и горожанам...

– Товарищи, – неуверенно произнес доктор Блохин, – а можно сказать мне?

– Говори, – кивнул Сергей Петрович, – мы тебя внимательно слушаем.

– Как я понимаю, вы тут у себя построили социализм, – сказал доктор. – Он не совсем такой, о каком писали Маркс и Ленин – но это и понятно, ведь условия тут совсем другие, нежели в двадцатом или даже девятнадцатом веке. Своими в таком случае можно считать тех, кто с полной самоотдачей будет работать не только для себя, но и в общественных интересах...

– На себя в племени Огня никто не работает, – сказал Сергей Петрович, – в наших условиях это слишком большая роскошь. Даже салон красоты – это, можно сказать, государственное учреждение. Может быть, когда-нибудь потом у

нас и появится так называемый «частный сектор», но только не сейчас. Однако вы правы. Тех, кто будет трудиться только по принуждению или «от сих и до сих», мы никак не сможем признать своими людьми, и наоборот. И мне кажется, что пока, для начала, в виде исключения, нам необходимо пригласить итальянских моряков на наш праздник, в качестве своего рода непочетных гостей и понаблюдать за их реакцией. Да и вообще, следует показать им, какая жизнь их ждет, когда и если они закончат свое искупление, чтобы они знали, к чему должны стремиться.

- Да, - сказал отец Бонифаций, - я говорить на праздник проповедь, и они тоже должны ее слышать. Завтра у них начаться тяжелый искупительный труд, но сегодня у них праздник тоже, потому что они остаются живы. Даже мой монах приходит и веселиться - так почему они нет?

- Тогда давайте голосовать, - сказал Сергей Петрович. - Кто за то, чтобы позвать итальянцев на праздник? Единогласно! А теперь, Александр, объяви эту новость нашему не совсем добровольному гостю. И скажи, что это не будет триумф в истинно римском стиле, когда побежденных унижают и поносят. Просто им покажут кусочек той жизни, какой они будут жить после того как искупят грех службы режиму фашистского диктатора и вооруженного разбоя на морских коммуникациях. Ведь, выходя в свой поход, они заведомо знали, что в прицеле их субмарины окажутся не британские линкоры и крейсера, а торговые корабли, быть может, даже нейтральных стран.

Александр Шмидт перевел эту речь на немецкий язык, лейтенант Гвидо Белло немного подумал и ответил:

- Вы меня удивляете, синьоры. Я думал, меня позвали сюда, чтобы я дал вам справку по вашему новому имуществу, а вы зовете нас на праздник и обещаете, что это не будет поношением. После того, как вы без всякой пощады убили половину из нас, это приглашение выглядит странным, и я бы предпочел от него отказаться, но вы же прикажете привести нас силой.

- Никто никого силой не поведет. Не хотите идти - и не надо, - ответил Сергей Петрович, - ведь это же праздник, а не копка братской могилы для ваших мертвых товарищей, к которой вы приступите завтра.

– Ладно, синьоры, – махнул рукой Гвидо Белло, – в таком случае я из чистого любопытства приду сам и приведу с собой всех желающих. Только не ждите, что их будет слишком много. Наши парни ужасно шокированы вашей суровостью и безжалостностью, а еще тем, что пристрелили даже нашего командира, когда он посмел ослушаться ваших распоряжений. Девушки, правда, у вас красивые, но слишком уж они суровы: с такой никогда не знаешь, то ли она тебя обнимет и поцелует, то ли возьмет свой ножик и сделает евнухом. А теперь, если вы не против, я все же хотел бы доложить о состоянии нашей субмарины. Если вы планировали использовать ее по назначению, в качестве транспортного средства, то ничего не получится. Корпус сидит на мели так плотно, что без земснаряда его не взять, и с каждой минутой, думаю, его засасывает в илистое дно все глубже. Кроме этого, у нас разбит левый сальник и повреждены лопасти левого винта, а также неисправна радиостанция. Все прочее в полном порядке, боекомплект полон, топлива осталось четыре пятых от первоначального запаса. Вот и весь краткий отчет.

– Понятно, – сказал Сергей Петрович, – правда, должен сказать, что ваш доклад о неисправностях ничуть не изменил нашего мнения по этому вопросу, потому что топлива у вас только на один поход. Как только оно закончится, ваша субмарина превратится в кусок мертвого железа. Так мы к ней и отнеслись с самого начала. Все, что можно будет с нее снять, мы снимем, а весной придет ледоход, потом половодье – и ваша подводная лодка пропадет с этого места, будто ее никогда не было.

– Но я же видел у вас автомашину, – горячась, сказал Гвидо Белло, – откуда вы берете для нее бензин?

Похоже, категорический отказ использовать субмарину его уязвил, и теперь он искал доводы для того, чтобы эти странные русские изменили свое решение.

– Эта машина ездит не на бензине, а на древесном газе, – ответил Сергей Петрович, – единственным доступным для нас жидким топливом является метиловый спирт, являющийся побочным продуктом производства древесного угля. Но это такая ядовитая гадость, что мы, не заморачиваясь его использованием, направляем спиртовые пары обратно в топку, ради их полного дожигания.

– Вот тут вы правы, – вздохнул Гвидо Белло, – метиловый спирт на субмарине – верная смерть. Хуже бензина. Лучше сразу самому глотать цианистый калий. А

теперь, с вашего позволения, я пойду. Скажите своему караулу, пусть они отведут меня в казарму, чтобы я мог сказать своим парням о вашем предложении.

- Идите, - сказал Петрович, и, когда лейтенант Гвидо Белло вышел под конвоем двух волчиц, спросил у княгини Сагари: - Что вы скажете мне про этого человека?

- Он быть честен, - сказа та, опустив глаза вниз, - как и в вас, хитрость в нем нет. Он говорить что думать и думать что говорить. Не то что тот прежний, который быть похож на хитрый ловушка. Но все равно он может не знать сам себя и поменять свой мнений на ходу. А может быть, и нет. Будь осторожен - доверяй, но проверяй...

1 октября 2-го года Миссии. Понедельник. Вечер. Окрестности Большого Дома, площадка для праздников у заводи реки Ближней.

Сергей Александрович Блохин, военврач 3-го ранга, русский, беспартийный, пока холостой.

Вот и подходит к концу этот муторно-суматошный день. Все по расписанию: с утра война, вечером праздник. Исполняя свои врачебные обязанности, я штопал итальянских моряков, претерпевших от священной ярости нашего ополчения. Некоторые имели две-три раны, а двое были ранены так тяжело, что имели небольшой шанс на выздоровление. Огнестрельный перелом шейки бедра в наших условиях практически неизлечим, как и раздробленная пулей нижняя челюсть. Если даже эти люди и выживут, то на всю жизнь останутся калеками-инвалидами. Для полного восстановления тут нужен хирург далеко не моего класса, и даже не моего времени, и операция - такая же, как в центральном госпитале в Москве. Марина Витальевна рассказывала, что в их времена раненого, если только он был еще жив, могли собрать и не из таких кусочков. Об искусственных суставах из титана взамен уничтоженных в наше время могли только мечтать. А тут, в медпункте племени Огня, где все по стандартам начала двадцатого века, или даже хуже, уж извините. Избавить этого человека от мук мы сможем, а излечить нет.

Еще в самом начале, когда меня только принимали на стажировку, несмотря на упрямое сопротивление Марины Витальевны, я переговорил с нашим военным вождем по поводу доставки сюда с парохода «особых» медикаментов, и в первую очередь морфия. Да, я знаю, что есть люди, которые получили пристрастие к этому препарату после одного-двух уколов, но ведь бывают случаи, когда помочь раненому ничем уже невозможно, и смотреть на нечеловеческие муки тоже выше всяких сил. Человеку, который все равно умрет через день-два, безразлично, получит он нехорошее пристрастие или нет, зато его последние часы не будут окрашены ужасными мучениями. И, как ни странно, Андрей Викторович со мной согласился, только поставив условие: применять эти препараты только при смертельных ранениях. Во всех остальных случаях боль нашим раненым придется перемогать, ибо безопасных обезболивающих у нас нет, а страдающие наркотической привязанностью в племени Огня не нужны. Навскидку он назвал мне трех исторических личностей, которых врачи из лучших побуждений сделали неизлечимыми наркоманами. И если германского фашиста Германа Геринга с белогвардейским адмиралом Колчаком мне абсолютно не жалко – туда им и дорога, – то американскому писателю приключенческо-социалистической направленности Джеку Лондону было бы лучше избежать этой злой участи.

Что касается смертельно раненых итальянцев, то в их отношении я не колебался ни мгновения. Ввел морфий и отодвинул в конец очереди, взявшись за тех, кто еще встанет на ноги – и чем быстрее я их прооперирую, тем легче пройдет выздоровление. Собственно, оба страдальца без лишних мук отошли в иной мир еще до того, как я закончил заниматься их более благополучными товарищами. Посмотрев на лица умерших, Марина Витальевна закрыла им глаза, заметив, что смертельно раненым римским легионерам после боя их собственный врач вскрывал ланцетом сонную артерию. Иначе никак: мчаться к обломкам парохода за морфием было некогда, а кандидатов в мертвецы тогда набралось под сотню человек. Потомкам римлян повезло немного больше, и проявленное к ним милосердие оказалось чуть менее варварским.

А после операционной мы пошли на Большой Совет, где мне довелось услышать много интересного. Уже потом я тихонько спросил у Андрея Викторовича, а может ли НАША подводная лодка оказаться в этом мире, если в момент перехода она находилась на глубине больше восьмидесяти метров – например, скрываясь от немецких эсминцев?

– Теоретически может, – кивнул он. – Только учти, что Баренцево море сейчас проморожено до дна, а Балтика или Черное море – это изолированные водные бассейны, вроде Ладожского озера. Из Балтики мы спускались по Великой реке, и были места, где даже коч с метровой осадкой прошел едва-едва. Подводная лодка, даже «малютка», на первом же пороге сядет с гарантией. На Черном море ситуация, пожалуй, не лучше. Уровень воды там минус тридцать метров к нашим временам, а в Средиземном море минус восемьдесят, причем конфигурация пролива Босфор намекает на возможность порогов и даже водопадов. Сам понимаешь, в такой ситуации и там, и там команде придется покинуть лодку и идти пешком. Одним словом, если такое и случалось, то мы об этом никогда не узнаем – сам понимаешь почему.

Понимаю. Сначала надо знать, куда следует идти, а потом суметь преодолеть пару тысяч километров по дикой местности, безо всякого транспорта, неся все необходимое на своих плечах, что есть ненаучная фантастика. А может, и не фантастика... ибо советский человек способен совершить такое, что другому покажется невозможным. И это факт.

С таким настроением я пошел на праздник. Подумать только: еще совсем недавно, меньше месяца назад, я не ждал от жизни ничего хорошего, и каждый день моей жизни мог стать последним. Еще и поэтому к раненым итальянцам я не испытывал никаких чувств, кроме простой констатации фактов – ведь местные вожди отнеслись к ним гораздо гуманнее, чем немцы обращались с советскими военнопленными: те просто пристреливали раненых и ослабевших, ибо Гитлер освободил их от такой химеры, как совесть. Если бы дали покомандовать мне, я приказал бы расстрелять этих гадов прямо там, на берегу. Но я тут не командую – и думаю, что это хорошо. Слишком большая ответственность у тех, кто принимает решения, способные повлиять на жизнь и смерть целого народа. И неважно, сколько в нем людей: тысяча или двести миллионов.

С той поры, как я оказался в племени Огня, я много думал о том, что мне делать дальше – мне, простому советскому человеку, попавшему в Каменный век и скрывающемуся здесь от войны. Не являюсь ли я дезертиром? Правда, когда я попробовал поговорить на эту тему с сержантом Седовым, тот только pokrutil пальцем у виска и сказал, что антиллигент – то есть я – слегка ударился головой. Потом, правда, сжалился и пояснил глубину своей мысли: мол, сбежать сюда прямо с фронта было бы дезертирством, а из немецкого плена – совсем наоборот. А раз путей возвращения обратно в ряды Красной Армии нет и не

предвидится, то, значит, для своего мира мы умерли, а в этом надо прожить остаток жизни так, чтобы потом не было стыдно ни самому на склоне лет, ни моим потомкам. Строй местные вожди создают вполне социалистический, так что жаловаться нам грех.

Когда я пришел на площадку, где вожди устраивали праздники для своего народа, солнце стояло еще довольно высоко, и народу было совсем немного: в основном девушки-лани, хлопотавшие у открытых жаровен и очагов, готовя кушанья к сегодняшнему празднику, а также героини этого дня – воительницы-волчицы, влет перестрелявшие итальянских подводников. Присутствовал и их командир – совсем молодой парень, курносый блондин, которого тут все зовут Серегой или Сергеем-младшим. Сейчас они все сняли свои военные наряды и смыли с лиц устрашающий грим, и стали вновь симпатичными девушками, наряженными в какое-то подобие национальных индейских одежд, в меру украшенных бахромой и аппликациями. Их лица улыбались, они были довольны хорошо проделанной работой, а я радовался, что мне пришлось оперировать не кого-то из них, а итальянских военнопленных. Будущий праздничный костер уже сложен, и я уже знаю, что честь зажечь его во славу уходящего Солнца будет принадлежать тем, кто отличился в последнее время. Такой тут обычай.

Чуть позже меня к месту будущего праздника подошел начальник рыболовной бригады по имени Антон-младший, который находится в том возрасте, что отделяет мальчика от юноши, а также девочки из подчиненной ему бригады – того же возраста или даже помладше. Они тоже герои дня, ведь они своевременно подняли тревогу. Жизнь в каменном веке трудна и опасна, поэтому даже такие юные члены местного общества без скидок на возраст трудятся ради его благополучия. Бригада Антона-младшего – весьма уважаемый коллектив, и даже воительницы, метко бьющие врага из винтовок, приветствуют этих девочек как равных по статусу. Такие уж порядки завели тут вожди, что статус человека зависит не от его возраста, не от цвета кожи, классовой принадлежности, народа и века происхождения, а исключительно от того, сколько пользы тот приносит своему народу.

Вскоре на площадку для празднований народ повалил толпой. Кого тут только не было! Кельты в своих клетчатых пледах, аквитаны в беретах, голоногие римляне в туниках и солдатских сапогах-калигах (среди них, как медведь в волчьей стае, выделялся их командир, старший центурион Гай Юний), ну и, конечно же, аборигенки всех мастей – от них рябило в глазах. Все молодые, красивые, празднично одетые. Ну чисто демонстрация ко дню Великой

Октябрьской Социалистической Революции... Не хватало только растянутых над толпой алых транспарантов, прославляющих трудовые свершения нового народа и мудрость вождей.

Пришли и представители французского клана, юноши и девушки, попавшие сюда год назад, и за это время из вчерашних школьников ставшие достойными мужчинами и честными женами. В свое время я с превеликим удивлением узнал, что у них там, в буржуазной Франции двадцать первого века, Первое Мая – совершенно официально праздник Труда и нерабочий день. Сюда привели даже пленных итальянцев, но далеко не всех. Из восемнадцати здоровых (двадцать избежали ранений, один застрелен, один списан в монахи) присутствовало только шестеро, одетых в свои белые парадные форменки. Они были немного смурные и настороженно озирались по сторонам, видимо не понимая – зачем они нужны в этом месте.

Последними, вместе со своими женами, пришли младшие и старшие вожди, сержант Седов, Александр Шмидт, и с ними – давешний поп отец Бонифаций. Когда-то, в самом начале, я спросил у Сергея Петровича, зачем тот нужен здесь – и получил ответ, что в племени Огня этот человек разом заменяет весь идеологический отдел ЦК ВКП(б). Мол, коммунизм и христианство в своей основе имеют общую этическую базу, и товарищу Марксу пришлось братья за свой эпический труд, потому что тамошние священники зажрались, позабыли, для чего они нужны, и перестали ловить мышей. А отец Бонифаций – как раз из тех времен, когда священники еще помнят, что они поставлены опекать души, а не только собирать требы. А еще он сказал, что я еще зажратых коммунистических бонз не видел – мол, пришлось такое счастье на его молодость. Все обгадили, развалили безо всякой войны, а потом одна половина так ничего и не поняла, а вторая тут же записалась в буржуи. Вот оно – то, от чего бежали сюда наши вожди строить свой социализм в Каменном веке. А я-то и не знал. Теперь понятно, почему на Голубенко, пока тот был жив, они смотрели как на человекообразную тлю. Лозунги-то хлопчик говорил правильные, и даже с перегибами, однако жил при этом совсем не по правде.

А тем временем отец Бонифаций вышел на середину площадки и развернулся лицом точно на запад, к заходящему Солнцу, нижний край которого уже коснулся верхушек деревьев.

– О Великий Дух! – торжественно произнес он глубоким вибрирующим голосом, так что у меня на голове зашевелились волосы. – Творец Всего Сущего! Ты

видеть этот молодой народ. Не ведая стыда и греха, он вкусит плодов не только с древа познаний, но и древа добро и зло. Его вожди учить свой народ не только как укрыть свое тело и наполнить брюхо – они вкладывают в него душу и учить истине, что нет ни русского, ни француза, ни думнония, ни аквитана, ни римлянина, а есть твой дети, послушный и не очень. Теперь мы единый народ. Мы благодарить тебя за то, что ты благословить наши труды, о Великий Дух, плоды полей и зверя в лесу, благословить чрева наших жен и разум их детей. Твой старший сын-Солнце славно потрудиться этот лето и хорошо помочь твои дети, теперь ему пора отдохнуть, а нас впереди ждать суровый зима. Знай, Великий Дух, мы справится с трудность и помнить о тебе, пока тепло весна не вернуться к нам вновь. А сейчас в честь тебя и твой сын Солнце мы зажигать большой огонь, который будет согревать наше жилище в холода и рассеивать мрак. Аминь!

Пока товарищ Бонифаций говорил, солнце быстро уходило за горизонт. И вот уже только самый его краешек высовывается из-за вершин деревьев... Я, честно сказать, заслушался торжественными речами и не видел того момента, когда девушкам раздали факелы. И когда солнце совершенно скрылось из вида и небо стало быстро темнеть, они хороводом пошли по кругу, со всех сторон поджигая костер. Минута-другая – и пробивающиеся снизу язычки огня слились в сплошную стену пламени; гудящим столбом оно взметнулось к темнеющим небесам. И вместе с ним к небесам полетели звуки незнакомой мне мелодии, торжественной и величественной[9 - Это по указанию Сергея Петровича Сергей-младший включил гимн СССР-России – только музыка Александрова, без слов.]. Я, конечно, уже знаю, что вожди привезли из своего двадцать первого века музыкальную технику, по сравнению с которой обыкновенный патефон выглядит как телега рядом с грузовиком ЗИС-5. Этот небольшой ящик и репродукторы с легкостью заменяет целый симфонический оркестр – были бы соответствующие записи.

Пока играла мелодия, товарищ Бонифаций ушел и затерялся среди вождей, а его место занял товарищ Грубин – он же Сергей Петрович, он же Великий шаман Петрович. К моему удивлению, появление попа в племени не аннулировало шаманский титул, а сдвинуло его на учительско-научную стезю.

– Товарищи, – сказал он, – сегодня мы принимаем в полноправные и действительные члены племени Огня, в клан Прогрессоров, прошедших испытательный срок доктора Блохина Сергея Александровича, сержанта Седова Ивана Федоровича, а также действительного рядового Шмидта Александра

Ивановича, а действительный рядовой Джонни Гудвин включается в клан «французы». Также выдержавшие искупительные испытания и уверовавшие в Великого Духа старший центурион Гай Юний Брут, младший центурион Луций Фостус, младший центурион Авл Лаберий, младший центурион Луций Сабин, деканы Марк Септимус, Тит Октавий, Луций Порций, Гай Галерий, рядовые легионеры Децим Теренций, Гней Мелий, Квинт Акций и Нумерий Констанций... – прозвучало еще два десятка имен, которые я не запомнил, – образуют новый клан «римляне».

Минутная тишина – и оглушительные крики одобрения. Но, как оказалось, товарищ Грубин еще не закончил.

– Хорошие новости на этом сегодня не исчерпаны, – продолжил он, когда стих шум, – семья нашего главного охотника и военного вождя изъявила желание принять к себе четырех новых женщин из бывшего клана Волка. Сиху, Туле, Рейэн и Аяша, подойдите сюда, чтобы отец Бонифаций смог перевязать вам руки.

Я впервые наблюдал обряд местного бракосочетания. Как мне показалось, жених был доволен таким положением дел, но еще более довольными выглядели невесты, гордо выходящие на всеобщее обозрение под марш Мендельсона. При этом в семье военного вождя уже имелось семь жен: одна старшая, четыре светлых из клана Лани, и две темных. И они тоже сияют улыбками. Похоже, что требование всеобщего согласия в семье действительно имеет место. Да уж... Хотелось бы знать, легко ли управляться с таким колхозом из одиннадцати жен. Я бы, наверное, с ума сошел.

Этот вопрос я задал стоявшей рядом со мной Марине Витальевне.

– Т-с-с-с! – сказала она, – на самом деле колхозом, как ты выразился, управляет старшая жена – она как первый помощник на гражданском судне или старший офицер на военном корабле. Но она не командует и не бьет никого плетью, а тихо и тактично руководит семейным коллективом. Никакие дразги, скандалы и прочие обычные для нашего времени негативные явления недопустимы, ибо мужчины тут люди занятые, и им не до улаживания ссор между благоверными. Впрочем, женишься сам – узнаешь.

Она ободряюще подмигнула мне – и я вдруг подумал, что и вправду справился бы, раз все обстоит так, как она сказала. Это было бы даже интересно... Эх, наверное, в каждом мужчине до поры до времени дремлет полигам...

Да уж, здесь, на празднике, видно, насколько количество женщин превышает мужчин, и только примкнувшие недавно римляне условно выравнивают соотношение полов. Условно – это потому, что женщины из бывшего клана Волка еще не за каждого пойдут. Пользуясь своим правом выбирать, а также тем, что они составляют большую часть местного ополчения, они сватаются в семьи к вождям и перспективным молодым людям. Большинство римских легионеров по уровню культуры недалеко ушли от их прежних мужей или отцов (для урожденных Волчиц), а значит, эти люди не привлекают их внимания. Зато меня уже предупредили, что в числе Волчиц есть такие особы, которые положили глаз на меня самого, сержанта Седова и даже на молоденького Александра Шмидта. Тут-то он считается уже взрослым мужчиной, просто обязанным завести семью... Поэтому вся жизнь здесь вертится вокруг семейного вопроса, которому уделяется первостепенное внимание. Ради этого строятся новые дома, функционирует детский сад и школа, и именно семейными делами занимается возглавляемый Мариной Витальевной женсовет. Не хотел бы я, чтобы мое дело когда-нибудь разбирали в этой суровой организации...

Что касается большей части легионеров, то для них в племени Огня имеется менее притязательный контингент – вдовы из разных кланов. Жизнь у местного населения, пробавляющегося охотой и собирательством, тяжела. Охота при помощи примитивных копий – дело опасное и малопродуктивное. Мужчины, которые являются главными добытчиками, часто гибнут, а от их вдов, если те становятся обузой в голодное время, вожди стараются избавиться при первой возможности, как от лишних ртов. Племя Огня, напротив, бо?льшую часть своего продовольствия получает от посадок картофеля на плодородных полях в пойме Гаронны, и женские рабочие руки для него не обуза, а весомое подспорье. Прежде Сергей Петрович выменивал лишних женщин у вождей соседних кланов на глиняную посуду и деревянные изделия, а иногда они приходили сами, изгнанные из своих кланов. Покажет вождь дорогу бедолаге и скажет – иди туда, там тебя примут, если дойдешь. Вот и шли несчастные по лесам или сплавлялись на утлых челнах по реке. А тут их подбирали, кормили и приставляли к делу. Их пока немного, не более двух десятков, потому что товар, на который их меняли, не был особо ходовым. Вот они, тут же – стоят чуть в сторонке очень скромно, хотя у них такие же права выбрать себе мужа.

Но это только начало. Когда был найден разбившийся пароход, а к племени присоединился кельтский кузнец и его сын-подмастерье, вожди племени приняли программу обмена лишних женщин на стальные ножи. А вот тут держите меня трое – двое не удержат. За такую «валюту» местные мужики отдадут не только вдов и незамужних девок, но и собственных жен. Товарищ Грубин говорит, что пытаться организовать конфедерацию местных кланов, а потом постепенно поднимать их культурный уровень – это благие пожелания, претворение которых в жизнь не закончится ничем хорошим. Вместо того надо до предела усилить племя Огня, в том числе методом выкупа вдов и сирот, а остатки диких кланов лет за десять отомрут сами собой. На самом деле эта политика только кажется жестокой – ведь на исчезновение обречена только самая упрямая и консервативная часть общества, а женщины, больше всего страдающие от нынешнего положения дел, напротив, получают в своей жизни шанс, которого им больше не даст никто.

Пока я так размышлял, отец Бонифаций перевязал руки счастливым новобрачным, которых со всех сторон обняли «старые» жены. Это бракосочетание закончено, но в очереди на марш Мендельсона стоят следующие новобрачные. Это крепыш лейтенант Гуг, который спас когда-то несчастных беглецов от германской ягд-команды, и четыре его невесты. Их я тоже знаю. Ибо они, все четверо, были в том отряде, который секунд за двадцать с разных концов беглым огнем положил арийских охотников на людей. Тут же стоит его старшая жена – француженка, но которую все почему-то зовут по-русски Людмилой Марковной – в окружении светлых и темных жен. Кстати, все они беременны. Старшая жена и вовсе напоминает раздувшийся дирижабль; у рядовых жен беременность на разных стадиях: от чуть оттопыренного животика до вполне приличных округлостей. Они тоже рады пополнению в своей семье, ибо вместе и черта бить веселее. И вот шнуры перевязаны – и следуют объятия, потирания щеками по местному обычаю и поцелуи. Радость и веселье вполне искренние, несмотря на то, что случилось утром. Жизнь тут вообще опасная штука, и если переживать по поводу каждого такого момента, то запросто можно потерять к ней вкус.

Последней группой брачующихся, сговорившихся заранее, был мой тезка Сергей-младший, четыре воительницы из его взвода и юная француженка Мадлен Морель. При этом товарищ Грубин говорит слова «по праву свободного выбора» – и я понимаю, что тут что-то не так. Старшая жена этого юноши недовольна расширением семьи, она, не в пример остальным, ревнует своего мужа к окружившему его улыбающемуся цветнику, но Женсовет, который дает санкцию на все браки, уже все решил, и теперь Марина Витальевна смотрит на

Екатерину тяжелым укоряющим взглядом. Тут так не принято. Впрочем, рядовые жены из этой семьи вполне довольны. У Кати тяжелый характер, а теперь, когда Мадлен Морель стала их собратницей, почетная роль главы женской половины семьи может перейти уже к ней. Так что и у Основателей тоже не все идеально. Право свободного выбора для того и придумано, чтобы преодолевать барьеры, которые может ставить ревнивая старшая жена, не соответствующая своей роли.

Когда Сергей-младший и его новые жены плотной группой сошли со «сцены», опутанные шнурами, а Сергей Петрович объявил «свободную охоту» (то есть разрешил незамужним дамам выбирать себе еще неженатых кавалеров и вести их под венец), я уже было подумал, что на этом брачные церемонии закончились, и сейчас начнутся танцы до упада. Но, как оказалось, я не угадал. Почти сразу же к товарищу Грубину, как будто только и ждали, подошли римский центурион Гай Юний и аквитанская княгиня-ведьма Сагари. Еще недавно они были врагами, и римляне держали Сагари и других аквитанов в клетке, как диких зверей – и вот сегодня эта молодая женщина сама ведет своего бывшего врага под венец, чтобы товарищ Бонифаций перевязал им руки, сделав одним целым.

Я так засмотрелся на это зрелище, что не заметил как сзади ко мне подошли трое девиц... Одной из них была представительница французского клана по имени Ванесса Нуари – высокая, может, даже выше меня, полногрудая девушка с крупно вьющимися волосами. Я уже обращал на нее внимание прежде – именно из-за ее удивительных волос. Чтобы добиться такого эффекта, иные дамы проводят полжизни в бигудях, а у нее это свое, данное от природы...

– Привет, доктор! – на достаточно хорошем русском языке, лишь с некоторым французским прононсом сказала Ванесса. – Мы тебя искали. Вот это мои подруги – девушки из бывшего клана Волка Алаль и Сиси. Тут была еще одна, но она очень скромный. Ко, красавица, иди сюда, покажись своему будущему мужу.

Я остолбенел и непроизвольно сглотнул. У нас там, дома, Ванесса считалась бы признанной красавицей, да и ее подруги – подтянутые, стройные, с приятными лицами – производили впечатление девочек с центральных улиц. И это все мне, и прямо сейчас?! А как же прогулки под луной, вздохи и ахи, а также прочие ухаживания – романтика и все такое? А ведь есть еще какая-то там Ко...

И в этот момент на меня из темноты выдвинулась массивная фигура, на голову ниже Ванессы, в обычном для местных женщин костюме с бахромой. Она была не толстой, а, скорее, коренастой и мускулистой. Господствующими элементами на лице этой особы были выдающийся вперед массивный нос и большие яркие, улыбающиеся губы. Если бы не эта детская искренняя улыбка, то ее можно было бы испугаться... Но чем больше я смотрел на эту девушку-аборигенку, тем больше она мне нравилась. Исходил от нее какой-то животный магнетизм, как от племенной кобылы или большой дикой кошки. А еще это улыбка... При взгляде на нее моя «палка» выпрямилась и уперлась в штанину.

- Ты хороший, - сказала мне эта Ко, - я тебя любить.

- Да, - сказала Ванесса, лучисто улыбаясь, - едва ты появился у нас в племени, как Ко втюрилась в тебя как дурочка. Нам троим ты тоже очень нравишься, но любовь Ко - это нечто особенное. Думаю, что все вчетвером мы сможем сделать тебя счастливым. Не правда ли, девочки?

- Да, правда, - сказала Алаль, - ты красивый, молодой мужчина клан Прогрессор, пока еще ничей, поэтому очень важный человек. А еще от тебя пойти умные дети!

- Мы тебя любить, беречь и носить на руках! - сказала ее подруга Сисси. - Особенно Ко.

- Да, - подтвердила крепышка, - носить сколько надо.

- Одним словом, если ты согласен, то давай пойдем к падре, - подвела итог Ванесса, - пусть он перевяжет нам руки, а потом мы завалимся куда-нибудь, где мы сможем показать тебе, как крепко умеют любить твои новые жены.

В ответ на это предложение я только кивнул с глуповатым видом, после чего был схвачен и потащен под венец.

Тогда же и там же.

Люси д`Аркур - медсестра, замужняя женщина и без пяти минут мать.

То, что произошло утром, коснулось меня только самым краем: по понятным причинам в жестокие подробности меня старались не посвящать. Просто муж и его невесты утром как-то быстро собрались и убежали в Большой Дом, сказав, что все будет хорошо, а мы, женщины семьи д`Аркур, остались в нашем новом крытом тесом доме на французской улице. Да, именно так. Поскольку у моего мужа никогда не было фамилии, и в этом качестве он не захотел использовать название того клана, из которого его изгнали, то на семейном совете было решено, что и он и другие жены берут фамилию старшей жены. Все мы теперь д`Аркур – и это меня радует, ибо там, в двадцать первом веке, я была последней из последних. Других детей, кроме меня, у моих родителей не было, да и папа был единственным ребенком в семье. И вот теперь нас стало много, а скоро будет еще больше, ибо не только я беременна на последнем сроке, но и другие жены – Лита, Себа, Тиэле-Тина, Каэрэ-Кася и Суэрэ-Инна – тоже ходят непраздные. Лет через двадцать, когда подрастет молодая поросль, наше племя (а точнее, уже народ) станет по-настоящему сильным и самодостаточным, ибо я верю, что в наших детях знания и культура двадцать первого века соединятся с быстрым и гибким умом местных обитателей.

Уже потом, когда все закончилось, я узнала, что на этот раз Господь наслал на нас итальянскую подлодку из времен второй мировой войны – ее выбросило на отмель как раз напротив того места, где наше племя ловит рыбу. Еще раз подтвердилась истина, что наше существование весьма зыбко, и мы живем только до тех пор, пока готовы отразить любое вторжение извне. Но все кончилось хорошо. Мой муж вместе с остальными главными силами прибыл к месту событий, когда все проблемы уже были решены. Месье Андрэ, безжалостный ко всем, кто может причинить нам зло, и на этот раз оказался на высоте. Не зря он готовил ополчение из волчиц и учил своих помощников-лейтенантов воевать самым настоящим образом. Тех врагов, которые успели выбраться на палубу из трюма, перестреляли из винтовок и пулеметов, остальных же вынудили капитулировать.

Впрочем, детали этого происшествия лежат за пределами моих интересов, ибо я ничего не понимаю в военном деле, а помогать оперировать раненых итальянцев, ассистируя русскому доктору, меня тоже не допустили. В моем состоянии любые волнения прямо противопоказаны, тем более что мадам Марин и месье Блохин прекрасно справились с этим сами. Да и как бы я управлялась с таким огромным животом? Мне и ходить-то уже тяжело было. Еще недели две-три – и мой малыш появится на свет...

– Твое дело, Людмила Марковна – благополучно доносить и родить плод своей любви, – сказала мне мадам Марин. – А со всем остальным мы уж справимся как-нибудь сами. Не впервой.

На праздник осеннего равноденствия мы все, члены семьи д`Аркур, пришли в самом лучшем расположении духа. Кандидатуры новых «сестер» были со мной согласованы – и я, одной рукой обнимая Литу, а другой Тиэле-Тину, с гордостью смотрела, как к нашей семье присоединяются еще четыре новых члена.

Но сначала была проповедь падре Бонифация, и она проняла меня до глубины души. Он ничего не просил у божества, как это делают некоторые не удосужившиеся ударить палец о палец, а лишь благодарил Великого Духа за то, что тот благословил наши труды. Когда проповедь закончилась, мы зажгли костер, а потом месье Петрович огласил имена тех новичков, у кого закончился испытательный срок, и бывших врагов, завершивших процесс искупления. И только потом начались свадьбы. Месье Андре и моего мужа сочетали с их невестами со всей торжественностью и благопристойностью, а вот с молодым соратником вождей, которого все зовут Сергей-младший, грозила выйти заминка... Угроздило же его взять себе в старшие жены такую плаксивую, ревнивую и неуравновешенную особу, как Катрин – она совершенно не соответствовала этому высокому статусу.

Поэтому женили новобрачных из этой семьи с формулировкой «по праву свободного выбора», а не как обычно – «по всеобщему согласию». Одной из новых жен в этой семье стала моя бывшая ученица Мадлен Морель – весьма скромная, здравомыслящая и уравновешенная девушка, ничуть не похожая на Катрин. Разводов в племени Огня не бывает, зато, когда уже имеется запасной вариант, отставка из старших жен может случиться молниеносно. Об этом молодую скандалистку уже не раз предупреждала мадам Марин, но каждый раз ее внушения хватало ненадолго. Кстати, я с удивлением узнала, что мальчик, заведующий рыболовной бригадой (Антон-младший) и воспитанница мадам Марин Вероника являются младшими братом и сестрой мадам Катрин. Ну ничего общего в характерах, будто это и вовсе не родные люди.

Сначала казалось, что все прошло вполне благопристойно. Во время обряда Катрин не буянила, не протестовала и не ударялась в слезы, и все уже вздохнули с облегчением. Но, видимо, преждевременно. Все прорвалось позже, а пока, после оговоренных свадеб, начался сезон свободной охоты. Дамы хомутали неженатых еще кавалеров. Первым был пойман и приведен к падре Бонифацию

старший центурион Гай Юний Брут, ангажированный аквитанской княгиней Сагари. Можно было бы сказать, что это неожиданность века, или даже тысячелетия, если бы все племя последний месяц не наблюдало их произвольных брачных танцев. Распушивание перед партнером перьев, щелканье клювом, горловое альпийское пение и все такое... Так что связанная брачным шнуром парочка выглядела вполне счастливой.

Потом началась охота на соплеменников Основателей, которые, сбежав из немецкого плена, прибыли к нам из сорок третьего года. Самой ценной добычей из всех троих был доктор, и именно на него в первую очередь нацелились наши охотницы за статусными женихами Флоренс Дюбуа и Сесиль Кампо. Но их ловким маневром на вираже опередили куда более достойные претендентки, заранее составившие между собой комплот... А вот участие в этой семье неандерталки делало эту свадьбу воистину сенсационной. До настоящего момента представительницы этого вымирающего подвида человечества даже не пытались реализовать среди нас свои матримониальные намерения, красотка Ко была первой. Хотя, скорее всего, все дело в Ванессе Нуари, которая грамотно спланировала семью, распределила роли, и теперь по праву будет заседать вместе со всеми нами в Совете Матрон.

Поняв, что дело с доктором провалено, Флоренс и Сесиль направились в сторону юного Александра Шмидта. Этот молодой человек бегло разговаривает на русском, французском, немецком и английском, а потому приближен к вождям как потенциальный переводчик при следующих забросах. Но и этого потенциального мужа с высоким статусом уже застолбили юная Доменика Дюмаж и ее сверстница, урожденная девица-волчица Лис, удивительно соответствующая русскому смыслу этого имени. Эти двое заранее свели знакомство с будущим мужем, приходящимся им ровесником, и даже вступили с ним в предварительный уговор. А это обстоятельство, как говорят русские, дороже денег.

Разочаровавшись в Александре, искательницы разделились, при этом одна из них кинулась в объятия к русскому сержанту месье Седову, а другая направилась к английскому бортстрелку Джони Гудвину – но те, посмотрев на суетливые метания «охотниц», заявили, что не собираются жениться прямо здесь и сейчас, а лучше погодят и осмотрятся. Тем более что такое явление, как «старшая жена», в семье не обязательно, а просто желательно, да и вожди не настаивали, чтобы новички немедленно вступили в брак. Мало ли кого и при каких обстоятельствах Господь забросит к нам в следующий раз, а мучиться с

«неправильной» старшей женой, как мучается Сергей-младший с мадам Катрин, не хочет никто.

Да уж, Сесиль и Флоренс не стоило относиться к потенциальному мужу как к какой-то вещи, которую надо схватить и в беге с препятствиями постараться донести до священника так, чтобы не отобрали конкурентки. Им следует помнить, что настоящие браки заключаются на небесах, и что женское «естество», с помощью которого эти двое пытаются прорваться к сердцу своих женихов – явление далеко не главное для семейной жизни. То есть оно необходимо, но без всего остального – дружбы, сердечной привязанности и простой человеческой симпатии – получается не семья, а одноразовое свидание по сниженным ценам.

После того как падре Бонифаций заключил последний брак, Сергей-младший, вернувшийся к своим обязанностям диск-жокея, включил музыку, и начались танцы. Костер постепенно прогорал, но в его рдеющие угли нет-нет подбрасывали новые отходы лесопильного производства и верхушечные части деревьев – и тогда гудящее пламя вновь взметывалось к небесам. Люди танцевали, ели жареное мясо и печеную на углях рыбу, ведь на следующий день их снова ждал тяжелый труд и неизведанные опасности, которые им для тренировки в любой момент мог подстроить всемогущий Господь.

Я обратила внимание на пленных итальянских моряков, которым тоже разрешили прийти на наш праздник. Наверное, они думали, что их будут унижать и надсмехаться, но о них как бы все забыли... Однако, нет – девочки-подростки из клана Лани, по очереди исполнявшие тут обязанности официанток, пригласили их за стол, на котором уже стояли миски с едой, кувшин с травяным настоем и грубые прессованные стеклянные стаканы (между прочим, собственного производства). Ешь-пейте, дорогие незваные гости, смотрите, как веселится народ, и знайте: либо вы станете его полноправной частью (по-другому у нас не бывает), либо у вас не будет никакого «потом».

И вот как раз в этот момент, будто назло, Катрин одолел очередной приступ женской раздражительности. Подумать только – она прямо на празднике накинулась с кулаками на Мадлен Морель! Я с легкостью могу представить, с чего все началось. Наверняка Мадлен отпустила какую-нибудь совершенно невинную в наших условиях шутку, что-то вроде: «а давайте и в нашу семью возьмем неандерталку, пока их всех не разобрали» – и для Катрин этого хватило, как хватает последней соломинки для того, чтобы сломалась спина

переобремененного поклажей верблюда. Но старшая жена – это не госпожа и не хозяйка. Поэтому волчицы схватили бузотерку и удерживали ее до тех пор, пока к месту происшествия не подошли месье Андрэ, Лиза, месье Петрович, Ляля, мадам Марин, а также падре Бонифаций, а еще чуть позже прибежал и ее муж.

Меня же туда в буквальном смысле понес черт. Собственно, Катрин, как член клана Прогрессоров, подлежала суду только старших вождей, но я надеялась умерить своим присутствием их праведный гнев. Конечно же, это у меня получилось, но совсем не так, как я рассчитывала.

Когда я подошла, неуклюжая со своим животом, музыка уже стихла, и в наступившей тишине мадам Марин строго отчитывала нарушительницу порядка, которую с трудом удерживали две девушки-волчицы: красная, растрепанная, со злобной гримасой на лице, Катрин напоминала сейчас разъяренную фурию, а не добропорядочную старшую жену.

Я успела услышать последние слова мадам Марин:

– Я тебя уже не один раз предупреждала, но ты опять, вижу, взялась за свое... Сергей заслужил возможность иметь нормальную дружную семью, а не язвенную болезнь, скрещенную с зубной болью!

Все понятно: с Катрин случилась истерика на почве хронической ревности. Особенно неприятная картина в свете того, что сейчас на нас смотрят побежденные.

– Екатерина, твое поведение нетерпимо, – поддержал мадам Марин месье Петрович; строгий и нахмуренный, он словно пытался взглядом припечатать Катрин к месту. – Я согласен с Мариной Витальевной, что мы, наконец, должны прибегнуть к тому крайнему средству, о котором мы много раз тебе говорили. То, что ты одна из нас, не дает тебе права творить черт знает что и нарушать все возможные установления.

– Но, даже получив отставку с поста старшей жены, она все равно не перестанет ревновать, – сказала Ляля. – Я ее знаю, ведь она моя бывшая лучшая подруга.

– Бывшая?! – взвыла Катрин. – Ах ты тварь!

– Конечно, бывшая, – подтвердила Ляля, проигнорировав грязную ругань. – Ты посмотри, кем тут стала я, кем Лиза, и в какое исчадие ада превратилась ты сама. Морда опухла, зад растолстел, брюхо отвисло – и это помимо того, что ты единственная из нас, кто считает возможным свесить ножки и ехать на шее у коллектива. В интернате ты была совсем другой, куколкой-красоткой, с которой ходил лучший парень, отличницей и заводилой всех забав.

В чем я согласна с мадам Марин – так это в том, что как раз муж Катрин был главным пострадавшим в этой истории. Она мне много раз говорила, что женитьба по залету (то есть в результате нечаянной беременности) редко создает счастливую семью. Ведь женятся совсем чужие друг другу люди, которые иначе расстались бы после двух-трех свиданий.

Катрин, с ненавистью глядя на бывшую подругу, хотела сказать ей еще что-то злобное, но тут примчался ее муж.

– Знаешь что, Катюха... – кипит от злости, сказал он, – видимо, с самого начала требовалось один раз как следует дать тебе в бубен. Но теперь уже поздно...

– Но я твоя жена! – взвыла та и забилась в крепких руках волчиц.

– И она моя жена, и она, и она, и она, – по очереди указывая на стоящих вокруг молодых женщин, ответил Сергей-младший, – и Мадлен, на которую ты бросилась расцарапывать лицо, тоже моя жена! И я всех вас люблю одинаково, никого не больше и не меньше, и Катюху из детдома, неунывающую хохотушку и выдумщицу, я тоже любил. Но теперь ее с нами нет, она умерла, а ее место заняло чудовище, которое отравляет нашу жизнь. Сергей Петрович, сделайте что положено, я не буду возражать. – Он тяжело вздохнул и с сожалением взглянул на свою непутевую супругу.

И в этот момент заговорил падре Бонифаций.

– Я думаю, – сказал он, – что это еще одна трудность, который в качестве испытаний приготовить нам Великий Дух. Если мы оставить все как есть, то грех ревность, будто яд, будет разъедать наш община. Перед закон должен быть равен все, а с человек клан Прогрессор спрос надо делать больше, чем с другой. Молодой Сергей прав: госпожа Катарина умирать, а ее место занимать чудовище. А может, она с самый начала не хотеть любить, а хотеть иметь не

муж, а собственность. Когда люди имеют один муж на одну жену, это грех не видеть. Но здесь это не так.

– Честный отче прав, – немного подумав, сказала мадам Марин, – тут, пожалуй, отставкой с поста старшей жены не отделаться. К сожалению... Благополучие нашего общества требует принимать самые радикальные меры. Иначе будет катастрофа. – Она покачала головой, в некоторой задумчивости глядя на Катрин, которая смотрела на нее с выражением загнанного в угол хищного зверька. – Что ж... – вздохнула мадам Марин, – решайся, Петрович, я возражать не буду.

И тут мне подумалось – а я? Люблю я своего милого дикаря или хочу им просто владеть? И поняла, что люблю. И люблю всех, кого любит он: всех своих сестер, и их дети будут моими детьми тоже. Я слишком долго и трудно шла к этой любви, чтобы принести ее в жертву глупой ревности... А еще я подумала, что даже при моногамии бывают такие уроды обоих полов, ревнующие свои половины без всяких оснований, и тем самым превращающие семейную жизнь в ад. Если бы там, в нашем двадцать первом веке, у этих двоих была обычная семья, то Катрин каждый день и час изводила бы своего мужа упреками и подозрениями. Но что имеет в виду мадам Марин, говоря о самых радикальных мерах? Она что, хочет отрубить этой несчастной молодой женщине голову и бросить ее тело в воды Гаронны?! Если это так, то такое решение будет воистину ужасным! Нет, не может быть... Хотя почему не может... Другого выхода тут, пожалуй, и не найти...

Думая об этом, я не на шутку разволновалась. Перед глазами замелькали черные точки, тяжело стало дышать. Я немного отступила от толпы и попыталась выровнять дыхание. Внимание всех было занято происшествием, и никто не обратил на меня особого внимания. В этот момент что-то с легкой болью сжалось в моей чреве – и тут же отпустило. Замерев, я прислушивалась к себе, стараясь успокоиться. Но какое-то подспудное, непонятное волнение захватило меня, и я не могла его перебороть – оно словно шло изнутри и не зависело от усилия воли. Казалось, весь мой организм вдруг напрягся; потянуло поясницу и снова что-то сжалось и отпустило внутри.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Таким тройственным комплотом за Валеру замуж выходили Ольга Слепцова и «волчицы» Айнур и Зыля.

2

Во французском Бордо во время Второй мировой войны была создана основная база подводных лодок Королевских ВМС Италии на Атлантическом побережье Европы (Немцы действовали с базы в Лорьяне неподалеку от Бреста). С этой базы итальянские подводные лодки приняли участие в битве за Атлантику с 1940 по 1943 на стороне стран Оси, развернув кампанию по противостоянию торговому судоходству союзников.

3

Эстуарий (от лат. *aestuarium* «затопляемое устье реки») – однорукавное воронкообразное устье реки, расширяющееся в сторону моря.

Образование эстуария происходит, если приносимые рекой наносы удаляются морскими течениями или приливом, и прилегающая к устью часть моря имеет значительные глубины. В таких условиях наносы не отлагаются даже при большом их выносе на устьевом участке. Один из крупнейших эстуариев в Европе – Жиронда – имеет длину 72 км.

4

Как правило, механизм реверсирования мощных судовых дизелей с прямым приводом на гребной винт выполняется вместе с пусковым механизмом и называется реверсивно-пусковым устройством. Сущность реверсирования у всех дизелей сводится к изменению порядка работы распределительных органов дизеля: системы воздухораспределения при пуске двигателя, топливоподдачи и газораспределения во время работы. На двигателях старой конструкции все операции по реверсированию осуществлялись вручную, и поэтому требовали некоторого времени.

5

Стой! Руки вверх! Быстрее! Быстрее! (нем.)

6

Итальянские посланцы на берег просто находились в определенном когнитивном диссонансе. По их счислению на календаре было 25-26 февраля, конец зимы. И хоть температурные режимы почти соответствуют, не до конца облетевшая желтая листва на деревьях и кустах приводила бедных макаронников в состояние глубокого недоумения.

7

Назвать ножами сорокасантиметровые клинки не поворачивается язык.

8

Не все итальянские моряки родились и выросли в прибрежных районах своей страны, есть среди них и горцы.

9

Это по указанию Сергея Петровича Сергей-младший включил гимн СССР-России – только музыка Александрова, без слов.

Купить: https://tellnovel.com/ru/mihaylovskiy_aleksandr/mir-do-nachala-vremen

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)